





Тысячи ленинградцев принимают участие в строительстве памятника героям-защитникам города на Неве в годы Великой Отечественной войны. Здесь можно встретить ребят из отрядов „Пионерстроя“, и юных героев прославленной „Двадцатисилы“, и ветеранов войны.

Иван Александрович Кориников сражался за город Революции не только в Отечественную, но еще и в гражданскую войну.

У стен Ленинграда, на гордой земле ленинградской, Стоят обелиски — свидетели славы солдатской. Сквозь годы и ветры доходит до каждого сердца Их голос взволнованный: «Помните павших за счастье». Упругой походкой идет торжественное время, Зеленое пламя гудит над весенней землею, И белая завязь ромашек и синька волны васильковой В тиши придорожной ласкают гранит обелиска. Как холоден камень, а память чутка и тревожна, Мы знаем о смерти — и все-таки смерти не верим, Ей дети не верят: все дети — бессмертные люди... У стен Ленинграда,

на гордой земле ленинградской, Стоят обелиски — свидетели славы солдатской. Сквозь годы и ветры доходит до каждого сердца Их голос взволнованный: «Помните павших за счастье».



Встреча друзей-однополчан. Выступает Николай Николаевич Мещериков, бывший комиссар батальона 5-й дивизии Народного ополчения.



Бывший командир отделения пулеметчиков Сергей Васильевич Мельников рассказывает молодым воинам о боях с фашистами.



АЛЕША ЛЯРСКИЙ — ЮНЫЙ АКТЕР И ХРАБРЫЙ СОЛДАТ

Он мечтал стать актером. В двух фильмах — «Детство Горького» и «В людях» Алеша Лярский, тогда еще московский школьник-девятниклассник, сыграл роль Алексея Пешкова.

«Правда писала: «Исключительно повезло фильму... Алеша Лярский очень скромно, сдержанно (может быть, даже чересчур сдержанно: Алеша Пешков был озорнее, строптивее) играет свою, по сценарию центральную, роль».

Но Алеша не стал актером: помешала Великая Отечественная война.

Наверное, в тот самый день, когда он увидел, как сплывают москвичи тревожные сводки, как плачут матери, как идут на фронт ополченцы, — он понял — его место в строю защитников Родины.

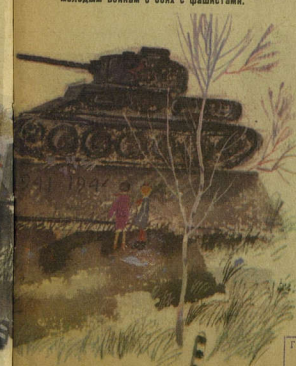
Вскоре он сам стал солдатом.

СОРОК ЛЕТ НАЗАД...

Небольшой городок Княгинино, в ста с лишним километрах от города Горького. Здесь наша семья жила перед войной. Многие мальчишки заинтересовались тем, что в Горьком снимают кино про Горького и что играет маленького Алешу Пешкова обыкновенный школьник.

Съемка фильма представлялась нам куда более таинственной, чем теперь запуск космического корабля. Желающих увидеть съемки — тысячи. Наслушались мы тогда байек и неблизил! Мол, во время съемок, днем, включали ослепительные лампы и направляли свет на артистов. Не мигая, могли смотреть на свет только те, кому доктор закапал в глаза лекарство.

Про Лярского — Алешу Пешкова, рассказывали, что он обыкновенный мальчишка, здорово похожий на Горького, и что... около него все время ходят двое, вроде слуг, и как толь-



ко он захочет есть, ему сразу же приносят целое блюдо прижженных.

Не удалось мне увидеть тогда, как снимается кино, мы увидели Алешу Лярского, которому в душе завидовал, как и многие мои сверстники...

Много лет прошло с той поры.

...В феврале 1973 года в еженедельнике «Говорит и показывает Москва» появилась небольшая заметка о фильмах по трилогии Горького «Детство Горького», «В людях» и «Мои университеты» и интервью с кинорежиссером М. С. Донским.

„ОН БЫ СМОГ СТАТЬ БОЛЬШИМ АКТЕРОМ...“

рассказывает Герой Социалистического труда Народный артист СССР, кинорежиссер Марк Семенович Донской

— Долго мечтал я приступить к работе над трилогией. В 1936 году очень робко обратился к Алексею Максимовичу, сказал, что мечтаю поставить фильм «Детство Горького». Он внимательно посмотрел на меня и неожиданно сказал: «А стоит ли при жизни памятник ставить!»

Фильм «Детство Горького» вышел на экраны, когда Алексей Максимович уже не был в живых.

У Горького я нашел образы неисчерпаемой силы. Хотелось показать жизнь Алешин Пешкова правдиво.

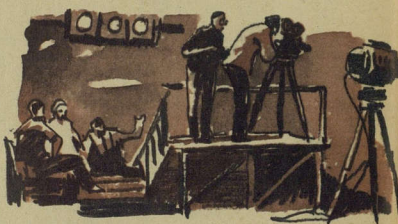
Более двух тысяч ребят посмотрели мы на роль Алешин Пешкова. Внимание привлек один — Алеша Лярский.

Первые пробы показали, что нам повезло, что мы нашли необычайно интересного исполнителя. Наверное, он бы смог стать большим актером...

На Центральное телевидение пришли письма с просьбой рассказать о военной судьбе Лярского. И как ответ на них — письмо инженера Д. Н. Евсеева из Калининграда Московской области.



Алеша Лярский в роли Алексея Пешкова.



Кадр из фильма «Детство Горького». Бабушка — народная артистка РСФСР В. О. Массалитникова.

„ПАРЕНЬ ОН БЫЛ, КАК ВСЕ...“

рассказывает Дмитрий Николаевич Евсеев

«Меня призвали в армию осенью 1941 года в Болшево, под Москвой, и почти сразу же назначили командиром пулеметного отделения. Маршрут для нашего 365-го артиллерийского пулеметного батальона — Северо-Западный фронт. Тогда, во время боевого марша, я и познакомился с молодым Ляским. 365-й батальон направлялся на фронт...»

Парень он был, как все... Ны за что не скажешь, что артист. Переносил все тяготы войны, верил в победу, в то, что мы

ворить о текущих делах. Если бы мы знали, что это наша последняя беседа!

„РАБОТАТЬ С НИМ БЫЛО ОЧЕНЬ ПРИЯТНО И ИНТЕРЕСНО“

продолжает интервью М. Донского

...История, рассказанная Дмитрием Николаевичем Евсеевым, глубоко меня возволновала. Ведь со времени начала войны я ничего не слышал о судьбе Алексея Лярского — одного из наиболее талантливых юных актеров, которых мне довелось снимать.

В памяти снова встают те да-

На его скромность обратил внимание его боевой товарищ Евсеев. И действительно, помнится, что во время обстрелов фильма Алеша старался не присутствовать, очень не любил, когда его хвалили.

Первое время в период съемок я иногда появлялся на Лярского голос, и тогда ничего нельзя было от него добиться, зато мягкий, добрый разговор как бы вдохновлял молодого актера на творческие поиски...

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СУДЬБЕ АЛЕКСЕЯ ЛЯРСКОГО?

И вот Ленинградское телевидение, где я работал, задумало о Ляском передаче.

Казалось бы, теперь все очень просто — надо отыскать ветеранов 365-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона, и они наверняка вспомнят о Ляском.

«Новгородская правда», «Псковская правда», «Лужская правда», Ленинградская программа «Телевидение. Радио», «Горьковская правда» направили обращение: «Что вы знаете о судьбе Алексея Лярского?»

«Мы обращаемся к ветеранам — солдатам и офицерам бывшего 365-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона, который защищал Ленинград и Новгород: может быть, кто-нибудь из вас помнит А. Лярского, знает подробности его военной биографии, сохранил его письма, фотографии, документы, газетные вырезки или «Боевые листки», которые выпускались на передовой.

Просим ветеранов откликнуться и сообщить все, что мы известно об Алексее Ляском».

На эти обращения ответа не было.

Но поиски продолжались.

ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ

Первое сообщение получили из архива:

«Алексей Лярский похоронен в деревне Кинино Ленинградской области».

скоро разобьем врага. За многое любил и уважал ребята Лярского, но, наверное, главное — за скромность и мужество, за отвагу... Выбрали его на комсомольскую работу. Был он удивительно исполнительный и точный во всех поручениях, а в комсомольских — особенно. И никогда не отпадала из нас застраший день.

Зимой 1943 года мы держали оборону в районе Новгорода. Фашисты систематически простреливали наши позиции — передвигались мы по ходам сообщения в основном только ночью; днем мы были мишенью для гитлеровского снайпера. И вдруг, смотря, в дзерж землянки Лярский. Не стал отпадалывать он комсомольского задания, пришел пого-

лекие довоенные дни, когда был съемки фильма «Детство Горького».

Работать с Алешей Ляским было очень приятно и интересно. К своим обязанностям он относился творчески, вдумчиво. Иногда предлагал сыграть тот или иной эпизод по-своему, и его предложения принимали. Алешу очень любила замечательная советская актриса — исполнительница роли бабушки В. Массалитникова. Она говорила мне, что с таким партнером не часто встречаешься, — в нем есть все: какая-то необыкновенная профессиональная зрелость, и искренность, и детская непосредственность. Сам он тоже с трогательной внимательностью относился к Массалитниовой.

На всякий случай уточнили по справочнику. Там написано: «Кипино — деревня в Маревском районе Новгородской области».

Вероятней всего там, на участке 34-й армии Северо-Западного фронта, действовал 365-й артиллербат.

Снова связались с Д. Н. Евсеевым.

К сожалению, и Д. Н. Евсеев ничего нового сообщить не мог.

ОТВЕТ АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ

И вот пришло официальное письмо из архива Министерства Обороны СССР. В нем сообщалось следующее:

«Наводчик 365-го отдельного артиллербат рядовой Лярский Алексей Петрович, 1923 года рождения, уроженец г. Москвы, призван в Советскую Армию Ростовским РВК г. Москвы, погиб 8 февраля 1943 года, похоронен в д. Кипино Ленинградской области. Мать — Лярская А. П., проживала — Москва, 41, М. Переславская, 12/2, кв. 2».

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

Но оказалось, что в Маревском районе Кипино нет. Деревня с таким названием находилась в Демянском районе Новгородской области. Ответ из Демянского райвоенкомата пришел неутешительный: «В дер. Кипино Демянского района имеется воинское захоронение, но в списках захороненных Лярский А. П. не значится».

Чтобы проверить, нет ли могилы А. Лярского в соседних районах, мы направили запросы в Валдайский, Великолукский, Холмский райвоенкоматы, в Псковский, Новгородский и Калининский обливоенкоматы.

ОТВЕТ ИЗ ДЕМЯНСКА

И вот получен ответ от Демянского райвоенкома майора Лепешкина: «...сообщают, что на



Тридцать лет назад здесь были окопы и огневые точки. Здесь погиб Алеша Лярский.



основании сообщений Отдела учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии и учитывая то, что в данный промежуток времени 365-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон находился у дер. Кипино и погибшие воины были захоронены в братской могиле близ деревни Кипино — наводчик 365-го артиллербат рядовой Лярский Алексей Петрович, 1923 года рождения внесен в списки захороненных в братской могиле д. Кипино Демянского района Новгородской области».

„НАША ВОЕННАЯ МОЛОДОСТЬ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ“

Удивительно красива деревня Новгородская земля.

Красивы ее леса и перелески, торопливо бегущие ручьи и величественный Волхов, заплытые луга, белогоние березовые рощи...

А ведь здесь гремела война. Память возвращает в прошлое — в те незабываемые, тяжелые дни боев, когда враг

наступал на нашу священную землю.

Где ж эти парни безумие, С кем в сорок первом году Где-то под Старою Руссою Мы замерзали на льду!

С кем по жару и по холоду Шли мы упрямо вперёд... Наша военная молодость — Северо-Западный фронт.

Где они, эти парни безумие?

Одни, ныне убежденные седой ветераны, приходят на свои традиционные встречи, другие приезжают на братские кладбища и подолгу стоят, обняв головы... Тем, кому выпало жить, свято хранят память павших...

Многих уже нет в живых — они пали, светлую храбрость, обрета бессмертие...

Среди павших московский школьник Алеша Лярский — юный актер и храбрый солдат... Алеша погиб, когда ему не было и двадцати.

В памяти нашей он остался вечно юным и молодым, таким, какими мы видели его и еще не раз увидим в роли Алексея Пешкова...



ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

У этого очерка обязательно должно быть продолжение.

Хочется верить, что отыщутся люди, которые напомнят Алеше Лярского, расскажут о его боевой биографии.

В Москве павшие могут отыскать школу, где учился Алеша, попытаться найти его одноклассников.

В дни войны Лярский жил некоторое время в поселке Навашино Горьковской области. Жив ли сейчас кто-нибудь из родных Алеша? Это тоже могут установить следопыты.

О том, что на Новгородской земле помнят Алеше, рассказывают эти фотографии.

Итак, продолжение следует. Кто его напишет?

Н. Добротворский

Рисунки В. Орлова

Фото Б. Байбородина



На окраине деревни Кипино проходил передний край обороны.

Красные следопыты Кипинской школы переписываются с одноподопчанными Лярского.

ВСЕМ!

ВСЕМ!

ВСЕМ!



В ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов Советский комитет ветеранов войны совместно с редакцией журнала «Костер» начинает пионерский поход «КУРС — ПОБЕДА!»

Задача участников похода: узнать о героических делах советских воинов, разыскать новые материалы военных лет, привести в порядок памятники безымянным героям, установить имена погибших, оказать помощь ветеранам и инвалидам Великой Отечественной войны и их семьям.

Начинаем поход «Курс — Победа!»

1. В походе могут участвовать все пионерские отряды, детские коллективы, а также отдельные читатели журнала. Штаб похода — редакция журнала «Костер».

2. Лучшие материалы, присланные в штаб, будут публиковаться в журнале «Костер».

3. Отличившиеся участники похода будут награждены почетными знаками Советского комитета ветеранов войны, грамотами и ценными подарками.

4. Из самых интересных материалов, поступивших в штаб, редакция организует выставку, с наиболее ценными экспонатами редакция ознакомит представителей Центрального музея Советской Армии и Центрального Военно-Морского музея.

Командовать походом «Курс — Победа!» поручено мне.

Генерал-майор артиллерии И. Кныш

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ!

СРОЧНО доложить в штаб похода состав поискового отряда, прислать список ребят, сообщить свой точный почтовый адрес.

ЗАДАНИЕ № 1

Миф о непобедимости фашистских армий был развеян в битве под Москвой, в декабре 1941 года.

Штаб предлагает всем участникам похода начать поиск материалов о ветеранах Великой Отечественной войны, которые сражались под Москвой. Быть может, они живут рядом с вами, эти герои. В вашем доме, дворе, поселке, городе. Сообщите имена и фамилии этих защитников Москвы. Опишите совершенные ими подвиги. Узнайте, какими правительственными наградами эти подвиги были отмечены. Расскажите о делах этих воинов-ветеранов в послевоенное время. Какую помощь ветеранам и их семьям вы организовали. Если герои погибли — где похоронены.

Штаб похода «КУРС — ПОБЕДА!»

ВОЕННАЯ ВИКТОРИНА ПОХОДА

1. Впервые ночной таран фашистского бомбардировщика совершил над Москвой советский летчик. Кто был этот летчик? Как отметила Родина его подвиг?

2. Слова «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!» стали девизом защитников столицы. В разгар боя с фашистскими танками эти слова произнес советский командир. Как фамилия этого героя и его легендарных бойцов? Когда и где проходил этот бой?

Донесения присылайте по адресу: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, «Костер», Полевая почта похода «КУРС — ПОБЕДА!»

Рисунки А. Курушина



ОЛЬГА ЯКОВЛЕВА

ПОВЕСТЬ

Сергей Иванов

Рисунки Ю. Шабанова

Была совсем еще ранняя осень, первые числа сентября. Солнце заливало по утрам целые улицы. Помидоры, арбузы, груши и все другое, такое же вкусное, продавалось чуть ли не задаром. По радио объявляли двадцать шесть и двадцать семь градусов. Люди утром шли на работу в легких платьях и в белых рубашках с закатанными рукавами. А ученики младших классов бегали в школу в шортах или коротких юбках. И в сандалиях с белыми гольфами.

На переменах просто в глазах начинало рябить от этих гольфов!

Сама Ольга была в коротеньких пестрых носочках. Все-таки не так одинаково!..

Ольга уже две недели отучилась во втором классе. Да перед этим еще целое лето считала себя второклассницей.

* * *

Первый класс прошел для нее как будто во сне. К школе ведь привыкнуть нелегко!

Но неделя проходила за неделей, она стала получать отметки, потом четвертные. И вот она, можно сказать, оглянуться не успела, как ее подхватило свободное и веселое лето. Учение кончилось!

Она словно бы из воды вынырнула — осмолиться и дух перевести. Что же выходило? Ее научили считать, писать. Читать она и до школы умела, но теперь ей это нравилось, потому что она читать стала легко.

В общем, год в школе не пропал даром. Это можно было и по табелю проверить — отметки хорошие, и внизу разборчивым красивым почерком написано: «Переведена во второй класс». Эту надпись Ольга любила читать... вернее, не читать, а просто рассматривать: продолговатые буквы с нажимом и квадратную, заметную точку в конце.

И хотя было понятно, что такой же точно надписью могут гордиться тысячи других ребят из тысяч других школ, она все равно нет-нет и открывала ящик комода, доставала оттуда табель и... любовалась! А когда ее повезли в деревню, взяла табель с собой.

Лето — ну, кажется, что могло в нем измениться из-за того, что Ольга школьницей стала? Да ничего!.. А на самом деле изменилось. Раньше она жила в деревне до тех пор, пока погода хорошая, а теперь уж — стоп, погодите! Каникулярное лето кончается ровно тридцать первого августа. (А слова-то какие: «каникулярное лето»!) И даже не ровно тридцать первого августа, а еще раньше — какого-нибудь

двадцать восьмого, двадцать седьмого. Нужно же еще приехать, осмотреться, все ли готово.

Так она и прожила целых три месяца, помня о первом сентября, о замечательной надписи в таблице. И когда ее спрашивали, в каком она классе, твердо отвечала: «Во втором!»

Даже имя у нее изменилось. Раньше звалась она Оля, Ольга, Оленька. А теперь только Яковлева Ольга. Или просто — Ольга. Так она сама себя называла, когда думала о чем-нибудь. И так другим говорила, когда знакомилась. Мама к этому не хотела привыкать и не привыкала. А в школе привыкли. Никому дела нет — как хочешь, так и называйся!.. Ей кричали:

— Оля, у тебя карандаш есть синий?

Она спокойно отвечала:

— Не Оля, а Ольга!

— Почему-то это Ольга? — спрашивали у нее ехидно.

— А уж потому!

В первые дни она из-за этого немножко попереживала. Но потом мальчишки начали ее так звать: Ольга. А за мальчишками и весь класс...

* * *

Сверкают галстуки, мелькают белые гольфы. Ольга входит в школьный двор. Еще рано, в школу пока не пускают. На верхней площадке крыльца стоят дежурные девятиклассники с красными повязками на рукавах. Хорошо им, наверное, стоять там и смотреть с равнодушными лицами, как в школьном дворе бушует целое человеческое море!

За двадцать минут до звонка начнут пускать: проверят подпись родителей в дневнике и — путь свободен!

На ступеньках уже толпятся охотники первыми ворваться в прохладную гулкую школу. Первыми прострекочат вверх по гладким ступенькам и войти в класс, который, кажется, еще не проснулся и потому тих, словно дремучий лес. Войти в него — в этот лес-класс — и сесть за свою парту, уже чуть пригретую ранним солнцем!

Ольге за две недели лишь однажды удалось это — влететь в школу среди первых, среди ватаги больших мальчишек-шестиклассников... Во все другие дни она приходила слиш-



ком поздно. Коридоры и лестницы уже полны были шума, толкотни, мелькания белых голфов. И класс грохотал, словно комната смеха или огромный птичий вольер в зоопарке...

Наконец сегодня Ольга встала специально раньше. И раньше села завтракать, чтобы вовремя прийти к школе, пробиться на верхние ступеньки и...

Ольгу кто-то решительно взял за рукав. Она сейчас же обернулась — Светлана Карасева, сидит на четвертой парте у окна.

* * *

Светлана была в Ольгином классе с самого первого дня. Но в прошлом году все их ребята хоть и учились вместе, и строились вместе, и даже несколько раз вместе ходили в кино и на экскурсии, однако дружить никто ни с кем не дружил. Какие-то они еще маленькие были.

А может, не в том дело, что маленькие. В детском саду ведь и того меньше — по годам. Но все-таки Ольга дружила с одной девочкой, с Катей. Там, в детском саду, в старшей группе они как-то взрослее себя чувствовали. И даже полно малышни, за ними можно следить и ухаживать. От этого сам будто взрослее становишься... А в первый класс пришли — и опять маленькими сделались. Потому что все кругом новое, строгое. И что ни человек — то и старше тебя!

А уж во втором классе — нет! Во втором подругому. Дружат. Хотя бы из школы вместе ходят. А Светлана эта Карасева, наверное, хочет с Ольгой подружиться. Один раз она подошла к ней:

— Давай ластиками меняться?

— А зачем? — спрашивает Ольга.

Тогда Светлана разжимает кулак. И видит Ольгу: на Светланиной ладони лежит чудесный ярко-желтый ластик и нарисован на нем бегемот. Ольга его взяла в руки, а он мягонький, упругий. И огромный! Ну прямо как полуберброд с сыром!..

Ольга про себя вздохнула, но ластик положила назад.

— Я не могу меняться! — сказала она. — У меня же видишь какой.

А у нее-то самая обыкновенная стерка. Хоть и тоже новая, но самая-самая простая. На которой написано: «Цена 1 коп.»

— А пускай! — говорит Светлана. — Ничего. Я все равно!.. Давай, давай поменяемся.

Но Ольга сказала:

— Я не буду!

— Не хочешь, да?

Светлана стояла с опущенной головой, и Ольга тоже голову опустила. Что делать дальше, она не знала. Но здесь как раз звонок прозвенел, и Светлана побегала к своей парте.

А потом еще такой случай был — уже на этой неделе, в понедельник или во вторник. Уроки кончились, все пошли строем вниз, а Светлана ее взяла за рукав — точно вот как сейчас:

— Хочешь посмотреть фотографии с видами города Лондона?

— Города Лондона?

— Да. Там мой дедушка был в поездке в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году.

«Ух ты, в пятьдесят восьмом!» — быстро подумала Ольга. Ведь она только родилась в шестьдесят шестом. А Светланин дед все это время, все эти долгие годы, пока она не родилась, ездил в Лондон, а может, и в другие города!.. Стало ей от этих мыслей удивительно и как-то тревожно...

А Светлана между тем уже достала из портфеля продолговатую серую коробочку. В ней лежали... слайды! Такие фотографии на цветной пленке, вправленные в картонные рамки.

Слайды есть у них дома. Ольгин дядя — Илья, когда приезжал к ним в гости из Братска, фотографировал Ольгу и маму, как они жили в деревне, шли за грибами... А потом он отдал пленку в мастерскую. Там ее разрезали на кусочки и вставили в эти картонные рамки. Получились слайды.

— Их же надо через проектор смотреть, — сказала Ольга.

— Вот и совсем не обязательно! — Светлана поджала губы. — Можно просто на солнце повернуть, и все!

Она быстро вынула один слайд, подняла его на вытянутой руке — так, что солнце из окна стало проходить сквозь цветную картинку. И Ольга на секундочку увидела незнакомую улицу, полную людей, а зади какою-то реку и вдалеке высокую острую башню.

— А если ты не хочешь, — Светлана быстро убрала слайды обратно в портфель. — А если ты не хочешь со мной смотреть, то так и нужно говорить...

* * *

После той истории со слайдами Ольга совсем уже не надеялась, что Светлана к ней снова подойдет. И вот вдруг, когда она поднималась на школьные ступеньки, Светлана взяла ее за рукав.

Ох, какая минута это была неподходящая! Так Ольге хотелось в школу промчаться первой! Но посмотрела молча на Светлану, себя пересилила и послушно пошла за ней.

Они миновали шумную часть двора, завернули налево, прошли немного вдоль заборчика, за которым был пришкольный участок... А через заборчик этот переваливались огромные буйные кусты. И что там делалось, на пришкольном участке, Ольга не знала. Туда ходили только шестые, седьмые классы да члены специального кружка.

Светлана остановилась, опасливо оглянулась кругом. Ни одна живая душа не видела их сейчас в этой отдаленной части двора.

— Пошли! — шепотом сказала Светлана.

Они прошли еще шагов пять. Но совсем медленно. Светлана считала шажочки:

— Двадцать семь, двадцать восемь... — тут

она несильно надавила на шпатель — получилась дырка!

— Скорей! — шепнула Светлана.

Ольга нырнула в лазейку и тут же налетела щекой на сухую ветку, которая торчала, как деревянный штык.

Ольга продралась сквозь кусты и оказалась... на огромном поле, разбитом на множество коротких толстеньких грядок.

Может быть, не таким уж и огромным было это поле, а просто так показалось Ольге после шумной толкучки во дворе, и Светланиной таинственности, и неприветливой тесноты кустов... Ольга до этого каждую секунду чувствовала огненный росчерк царапины на щеке, а теперь забыла про все, стояла и смотрела, боясь перевести дух.

Светлана, тихо пошуршав ветками, тоже вышла из чащобы, стала рядом.

— Да! Какой участочек! — тихо сказала она и пошла вперед.



Они шагали по главной дорожке, а слева и справа были все грядки, грядки, грядки!.. Наверное, сто или тысяча грядок. И причем на каждой росло что-нибудь свое. Пшеница, турнепс, горох — Ольга знала их по деревне. Потому неизвестно что, неизвестно что, неизвестно что: просто росла на грядках как будто бы сорная трава — но ухожено и аккуратно. Значит, какое-то хорошее растение... Вдруг Светлана остановилась:

— Видала?

На грядке, среди сильно уже повядших больших листьев — вроде как у лопуха или у тыквы — лежало три крупных полосатых шара. Ольга никогда не видела, как они растут, но догадалась сразу: арбузы!

Подруги полюбовались арбузами минутку, словно невиданными зверями за оградой, и пошли дальше. Светлана сказала:

— Их трогать нельзя. Заметят сразу!..

Дальше были кабачки и еще одни кабачки, но какой-то странной формы: короткие, круглые и ребристые. Однако после арбузов на них смотреть было уже неинтересно. Дальше росло два обобранных куста крыжовника...

И вдруг они обе остановились: Светлана — потому что знала, а Ольга, потому что дальше идти не могла.

На грядке росла клубника. А из-под темно-зеленых ее листьев, как из-под зонтиков, выглядывали красные и розовые ягоды — клубничины!..

Это всякий знает: клубники много в июне, в конце мая. Тогда ты ее до отвала ешь, конечно, если у тебя не бывает после этого крапивницы.

А на этих кустах не то что ягоды были, но даже еще цветы цвели, словно сейчас середина мая, а не середина сентября. Однако цветы эти Ольга лишь краем глаза заметила. А вот ягоды горели и горели изо всей силы, будто красные светофоры: и хотелось сорвать, и было боязно!

— Сорем по одной! — не выдержала наконец Ольга.

И такой голос у нее получился жалостный, как у котят из детской передачи: «Тетя-тетя Кошка, выгляни в окошко. Есть хотят котят, ты живешь богато!..» Просто вспомнить противно.

Однако Светлана ничего такого не заметила, не посмеялась над Ольгой. Она сама очень хотела ягоду съесть.

— Смотри, как много, — она сказала, — можно и по две сорвать, правда?

— Только выберем! — предупредила Ольга. Самые-самые-самые хорошие.

Но не удалось им отвратить чужой сладкой ягодки. Через кусты, быстрою птичьей стайей, понеслось: «Д-з-з-з-з!» — это летел школьный звонок.

— Бежим! — крикнула Ольга.

— Ой! — испугалась Светлана.

И две девочки из второго класса глянули в последний разок на волшебную клубнику и по-

мчались, помчались мимо всех чудес, разлегшихся или стоящих по стойке смирно на своих грядах, помчались к заветному лазу.

* * *

После урока Ольга подождала, когда к ней подойдет Светлана. Они улыбнулись друг другу без смущения: у них ведь был теперь общий секрет!..

— Пойдем, что покажу! — шепнула Светлана.

Они побежали сквозь коридорную толкучку к дверям на лестницу. Но там, как известно, стоят дежурные. Светлана откашлялась и громким жалостным голосом сказала:

— Можно, пожалуйста, нам в буфет?

— Не ваша перемена! — кратко ответил дежурный.

— Ну, пожалуйста, можно? Мы кушать хотим!

— Да пускай идут! — сказал другой дежурный. — Перваки...

Ольга хотела сказать, что сам он перваки! Но Светлана схватила ее за руку, они выскочили на лестницу и помчались вверх.

— Куда?! — закричали дежурные, потому что буфет-то был внизу.

Светлана и Ольга скакали без оглядки. Дежурные — здоровые мальчишки — их бы, конечно, запросто догнали... Да ведь не станут же они с поста уходить.

— Куда это мы? — спросила Ольга, когда они промчались мимо дежурных третьего этажа.

— Шас-шас-шас! — быстро отвечала Светлана.

Ольга еще что-то хотела спросить, а Светлана — еще что-то ответить, но обе они так запыхались, что могли только шипеть и свистеть горлом, как гуси, а не разговаривать. На площадке перед четвертым этажом они остановились. Светлана перевела дух и снова за свое:

— Можно, пожалуйста, нам пройти?

— Вам куда, дети? — спросил очень высокий мальчишка в форменном кителе и в очках.



Под мышкой у него была книжка — «Физика». — Здесь учатся старшие ребята. — Он говорил важно, как учительница.

— А у нас тут сестра учится!

— Как фамилия?

— Яковлева Оля!

Оля от удивления рот раскрыла. А длинный дежурный сказал:

— Только имейте в виду: через семь минут звонок, — и пропустил...

— Ты чего это все время врешь? — шепотом спросила Оля.

— Я же не просто так, — уверенно сказала Светлана, — я же для дела.

Они стали пробираться по взрослому коридору. Здесь никто не ходил парами, как у них. Ребята сидели на подоконниках или стояли по несколько человек. Один что-то рассказывал, а другие слушали. И потом вдруг: «Ха-ха-ха! Гы-гы-гы!» Такой хохот, что фрамуги вываливаются. А две большие девочки стояли посреди коридора и ели мороженое!.. В школе — мороженое! Вот что значит старшеклассницы!

Они с трудом и опаской обогнули двух почти усатых мальчишек, которые, подсакивая на одной ножке, играли в петушиный бой. Оля подумала: «Если б мы так! Сразу бы замечание!» И потом: «Куда мы идем?» Она спросила об этом строгим голосом у Светланы. А та вдруг остановилась и сказала:

— Вот!

* * *

Они стояли у полуоткрытой двери какого-то кабинета для занятий старшеклассников. Оля подняла голову и прочитала: «...естествознание... Кабинет естествознания». Светлана чуть пошире раскрыла дверь. Из кабинета на них пахло чем-то знакомым, нешкольным, но очень приятным...

Обычно в школе чем пахнет? На первом этаже буфетом, мастерскими. В коридорах, где классы, — всклокоченной пылью переменок, ярким солнцем. В самих классах — так уж всегда в начале года — в нос тебе лезет запах чистеньких парт и свежеекрашенного пола.

А здесь пахло другим чем-то, совсем другим! Оля вслед за Светланой просунула голову внутрь... Вот оно что! Пахло влажной землей и множеством зеленых листьев, которых было здесь едва ли меньше, чем в лесу. И запах этот она, оказывается, хорошо знала. Так пахло в колхозной теплице этим летом. Только там воздух был нагретый, густой, а здесь — прохладный и легкий. Дышалось хорошо.

Дверь оказалась такая послушная! Открылась и закрывалась безо всякого скрипа. Светлана и Оля на цыпочках вошли в кабинет. Им показалось вначале, что никого тут нет. Но вдруг заметили!.. Испуганно замерли, схватив друг друга за руки. Смех разбирал ужасно. Вот уж правда: смех без причины...

Низко склонив голову над столом, сидел старик. Он писал. Прошла минута или две... Вы,

наверное, замечали, что обычно пишущие то и дело поднимают голову от своего листа, оглядываются по сторонам. Так они размышляют. Оля и Светлана думали, что и сейчас то же будет. Поэтому они стояли и смотрели на старика, чтобы вовремя сказать ему: «Здравствуйте!» и еще что-нибудь.

Но старик сидел и сидел, согнувшись. А длинная его седая борода, наверное, ползала по бумаге вслед за ручкой...

Всякий, конечно, знает школьные кабинеты. Здесь не парты стоят, а длинные черные столы в два ряда. Один ряд у стены, другой — у окна. Стол учителя находится на некотором возвышении. Так все было и здесь.

Непонятный старик сидел себе наверху и писал, не отрываясь. А Светлана и Оля, немного уже осмелев, стали на цыпочках ходить по кабинету — рассматривать дикие выюны, что свешивались со специальных полочек, прибитых у потолка, и необыкновенные кактусы, величину чуть ли не с человеческую голову! Они ступали тихо-тихо. Но половицы ведь не угадаешь. Нет-нет да и пискнет какая-нибудь. Слово мыш.

Но очень скоро они перестали бояться этого нечаянного писка. Потому что ничего не происходило, никто их не ругал и будто вообще не замечал. Они даже стали иногда перешептываться, показывая пальцем на какой-нибудь невиданно-лопоухий цветок... И вдруг удивительный старик сказал:

— А теперь, дети, пора в свой класс!

Уже были они готовы вздрогнуть от неожиданности, испугаться и неизвестно, что бы еще сделать дальше. Но голос этот был так удивительно добр.

Светлана тянула Ольгу к двери. А Оля не могла оторвать глаз от длиноволосого и седобородого старика. И вдруг старик улыбнулся ей. Но улыбки его почти не было заметно за бородою и усами, словно солнышка за лесом. Оля скорее доталася, что он улыбнулся.

Старик сказал:

— Ну, ступайте, ступайте. Пора!

* * *

После уроков Светлана сказала Ольге:

— А я знаю, как того старика звать!

— Ну как?

— Он учитель ботаники, Борис Платоныч.

Что такое «ботаника»? Какое-то странное, похожее слово...

Ботаники — ботинки,

ботанки — ботинки!..

Ольге тоже хотелось сказать что-нибудь необычное, вроде этой «ботаники». И что-то крутилось на языке...

Наконец она вспомнила и крикнула:

— А я знаю, где он висит!

— Кто висит?

— Старик ботаники! Борис Платоныч!

И вот они вылетают в коридор. Топают и хохочут, чуть не шлепаются на бегу от смеха. Вдруг раздается грозный голос:

— Девочки! Вы где находитесь?!

Хорошо, что они успели за угол нырнуть. А то бы... Ведь еще уроки идут. Может, у кого даже контрольная — какая-нибудь там геометрия... Ольга и Светлана тихо-тихо притаились в углу. Это же надо, что наделали. А если б...

Но никто не погнался их искать. Тишина в школе. Окна по-летнему распахнуты. Слышно, как где-то в соседнем доме укачивают ребенка: «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Придет серенький волчок, схватит Катю за бочок». Вот какая здесь, оказывается, тишина!..

Тихо они поднялись на третий этаж. Идут по коридору, головы задранные вверх. Высоко на стене здесь висят разные портреты. Это ученые... И вдруг — их старик! Подпись внизу: «Д. И. Менделеев».

Конечно, они обе знали, что это совсем другой человек. Однако похож ужасно!

— Ну, висит? — шепотом крикнула Ольга.

— Висит!!!

И тут на них смех напал — прямо жуткий! А шуметь уж вообще нельзя: здесь за каждой дверью старшеклассники! Они ладонями рот зажали и со всех ног — на цыпочках! — в уборную. Закрылись, теперь хохочи сколько хочешь.

* * *

Прошло несколько дней — обычных, школьных: урок, перемена и потом снова урок.

Так они и жили себе — без особых происшествий. В тот сад попасть им все не удавалось: то одна опоздает, то другая. А кроме утра, туда больше никогда не проникнешь.

Вдруг они узнали одну тайную новость!

Они шли всем классом снизу вверх из буфета. Шли по стеночке, растянувшись почти на весь этаж — на две лестницы. И тут Ольга увидела старика ботаники. Перед ним стоял взрослый мальчишка со сбитым на сторону чубом. Мальчишка был лишь чуть пониже старика ботаники. Лицо у него раскраснелось, как от футбола. Он размахивал руками и громко кричал:

— Я сказал тебе, что делать этого не стану. И в двадцатый раз повторять не собираюсь!

— Но ведь мы же условились... — тихо и будто растерянно проговорил старик ботаники.

— Я делать этого не стану! Неужели непонятно! Ты, дед, какой-то чудакватый...

Вот и все, больше Ольга ничего заметить не успела. Они прошли мимо. А оглядываться ей почему-то вдруг показалось неловко. И прислушиваться, что там дальше происходило у нее за спиной, тоже было бы — как подслушать. Однако ничего там, кажется, больше не произошло. Потому что буквально через секунду их обогнал этот мальчишка. Делая огромные шаги, он скакал по ступенькам и никому не уступал дорогу.

— Видала? — быстро шепнула Светлана. — Вот он!

Значит, она тоже заметила...

Весь следующий урок Ольга думала о старике ботаники и о том мальчишке злом. Они, конечно, были дед и внук. Ольга догадалась об этом по их разговору. И, честно говоря, ей было жаль старика. Думала о нем, а внутри ныла какая-то ссадина.

Наталья Викторовна даже сделала Ольге замечание:

— Яковлева, читай дальше... — Ольга растерянно моргала, готовая зареветь. — Вот видишь как: не следишь!.. Садись и работай вместе с классом.

А через несколько минут подошла к ней и тихо спросила:

— Ты как себя чувствуешь? Голова, живот — ничего не болит?..

После уроков Ольга попросила Светлану:

— Пойдем посмотрим на него.

— Зачем?

— Да просто... Потом тебе скажу.

Они долго стояли за углом, поглядывая на дверь кабинета ботаники. Светлана уже сто раз пронюхала, что они с мамой сегодня должны идти узнавать про фигурное катание, и мама велела прямо с уроков домой... Ольга потеряла терпение ее слушать:

— Ну, хочешь, так иди! Как будто ее тут на цепи привязали...

После этого Светлана сразу замолчала, обиженно поджала губы. Но все же осталась.

Наконец звонок загремел. Почти сразу же двери кабинета распахнулись весело. Стали выходить пятиклассники. А еще минутки через две появился и старый учитель... Ольге заранее было жаль его. Бедный старик!.. Но то, что она увидела... Она даже сказала:

— Ох ты, смотри-ка!

— Ну чего, чего? — быстро зашептала Светлана.

Однако Ольга не знала, как бы тут ответить получше, и молчала. Светлана нетерпеливо и обиженно хмыкнула. Тогда Ольга наконец сказала:

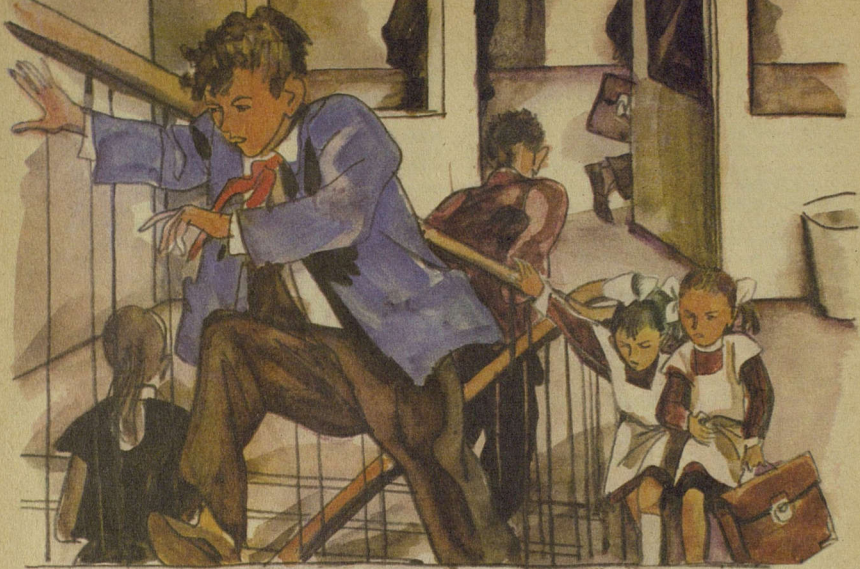
— Ну вот, когда ты своим... маме или еще кому-нибудь нагрубишь, они что? Какое у них лицо? Злое такое, да? Или там обиженное... А старик ботаники — видала?!

Он, и правда, шел себе по коридору осторожными и спокойными шагами старого человека. И ни капли не было у него в лице грусти и злости. А только одна доброта и спокойствие. Но Светлана не хотела этого понять. И ее зло разбирало, что столько времени пропало, что на фигурное катание она, может быть, из-за этого теперь не запишется! Она прямо чуть не крикнула:

— Ну уж ты, Ольга! Ну и подумаешь какое дело!

— Нет, — покачала головой Ольга. — Это не подумаешь!

— Уж сколько времени с тех пор прошло! Три урока!.. Будет он помнить!.. Да иди же



ты скорей! — крикнула она нетерпеливо и побежала вниз по лестнице.

«Вот тебе и поругались», — подумала Ольга. Далеко внизу грохотали Светланины шаги.

* * *

Ольга доканчивала третьего поросенка из сказки, стараясь экономить пластилин. Хотела, чтобы еще на домик хватило. А может, и на волка!.. Тут с улицы послышалось:

— Оль-га! О-о-льга!

Она вышла на балкон. Глянула вниз — там стояла, задрав голову, Светлана. Ольга подивилась про себя, какая же Светлана маленькая!

— Иди вниз! — крикнула Светлана. — Я тебе скажу...

— Чего?

— Одну вещь...

И вот они стоят рядом, будто и не ссорились. Будто и не прошло с тех пор три дня молчания. Только сердце бьется громче и как-то неловко начинать разговор... Ольга смотрит на свою подругу — они, оказывается, одного роста. Значит, совсем Светлана не маленькая, а просто так сверху показалось.

— Пойдем на лавочку.

— Я узнала, — говорит Светлана, она всегда все на свете узнает. — Я узнала, что у нас вожатые будут.

— Зачем вожатые?

— Ну, просто... У всех со второго класса вожатые бывают! — здесь Светлана вдруг вплотную приблизилась к Ольге и начала шептать ей теплыми губами прямо в самое ухо: — А у нас-то знаешь кто будет?... Из шестого «б»! — И видя, что Ольга не поняла: — Ну, где этот учится, Огоньков!

— Какой Огоньков?

— Ну, внук!..

— Старика ботаники?!

— Да!

...Назавтра и правда: Наталья Викторовна после уроков вдруг сказала, что «сейчас к нам придут наши вожатые». Тут она выглянула в коридор, сказала туда негромко (но все-таки было слышно):

— Входите, ребята!

И в класс к ним стали один за другим заходить шестиклассники. Они все стояли длинной шеренгой у доски. Стояли не по росту — кто выше, кто ниже. Кто улыбался и поглядывал на сидящих второклассников, кто стоял с опущенной головой. Но всем им было не по себе.

Один только Огоньков, высокий светловолосый мальчишка, с чуть съехавшим на сторону галстуком, спокойно оглядывал класс, доску дежурств, выставку рисунков и все другое, что висело по стенам. Потом мелькнул быстрым взглядом по лицам ребят, сидящих за партами

и — показалося Ольге — чуть заметно ухмылялся...

Последней в класс вошла старшая пионервожатая Ира. Некоторое время она молча стояла в стороне, словно бы рассматривая вместе со второклассниками пришедших вожатых. Потом спросила:

— Ну как, понравились? — и сама ответила: — А кто его знает! С первого взгляда не определишь. Верно, ребята?

— Верно!.. — пропело несколько нестройных голосов, и Светланкин тоже! А Ольга промолчала. Зачем отвечать, когда ответ от тебя и не спрашивают...

— А я это к чему говорю? — продолжала Ира, словно специально для Ольги. — Я это не просто так! Давайте-ка мы попросим их — каждого! — о себе рассказать: кто они такие, что умеют. А мы себе — тоже каждый — выберем вожатого.

— А как? — тихо спросил Анохин Леняка с самой задней парты у стены.

— Как? — переспросила Ира. — А вот так: нравится тебе человек, смело иди к нему. Не нравится! — не ходи! Понял?.. Вот и вся премудрость.

И стали шестиклассники говорить. Например: «Меня зовут Растворова Таня. Я учусь на четыре и пять. Я люблю читать. У меня много интересных книг...» К ней пошли три главных отличницы: Хоменко, Глатман и Есюнина. Другая девочка говорила так: «Меня зовут Ира Садовничица. Отметки у меня, в основном, четыре и три. Я люблю в походы ходить... Ну, что еще? Могу научить с компасом обращаться, костер разводить и кашу на костре варить! — она улыбнулась. — А если мальчишки у меня будут, могу их в баскетбол обыграть».

— Пойдем к ней, пойдем к ней! — зашептала Светлана. На классный час она подседала к Ольге. — Ну, пойдем же! — Ольга в ответ только головой покачала.

Наконец очередь дошла до Огонькова. Он только и сказал:

— Зовут Гена. Умею в футбол играть...

— А учишься как? — спросила Ира. — Ты говори, говори!

— Это неважно! Уж по второму классу как-нибудь соображу!

У себя за спиной Ольга услышала шепот. Там сидели Истрин и Сметанин:

— Пойдем?

— Ну его на фиг!

— А что?

— Дерется!

— А-а...

Ольга сама на себя удивилась, как она встала из-за парты:

— Я пойду!

Светлана снизу вверх глянула на Ольгу, будто у нее уже выросли! Но тоже встала быстро:

— И я!

— Надо же! — от души удивилась Ира. — Может, еще кто-нибудь к Огонькову хочет?

Но класс молчал...

Все вожатые рассказали про себя. А потом они взяли своих подшефных октябрят и пошли с ними — кто в пустой класс, кто в пионерскую, кто на улицу, во двор. Надо было познакомиться поближе и наметить общие планы, как Ира выразилась.

Ольга и Светлана тоже пошли вслед за Огоньковым, пошли по знакомой уже дороге — в кабинет естествознания. Огоньков легко прыгал впереди через две ступеньки. А Ольга со Светланой пыталась за ним что было сил. Да еще портфели колотились по ногам. Светлана сердилась и раза два показала Огонькову в спину язык. Ольга хотела ее поругать шепотом, но вдруг споткнулась, портфель ляпнул со всего маху о лестницу...

— Чего, рубль нашла? — услышала она насмешливый голос Огонькова.

«Какой противный!» — подумала Ольга. Она подняла голову, все еще стоя на четвереньках, и увидела вверху над собою концы обтрепанных огоньковских штанов и старые его ботинки. Левый начал уже каши просить. «Неужели он правда такой противный?» — подумала Ольга. Встала на ноги и решила, что нет, не такой. Просто строит из себя. Как все мальчишки.

В кабинет естествознания Огоньков зашел уверенно, будто к себе в комнату, небрежно сказал:

— Заруливайте, не стесняйтесь...

Ольгу опять удивил этот тихий нешкольный запах влажной земли и зелени.

— Во, дед, — громко сказал Огоньков, — октябрят на меня нагрузили. Тоже буду теперь воспитателем.

Ольга увидела старика ботаники. Он был в черном сатиновом халате, с маленькой пластмассовой лейкой в руке — видно, собирался поливать свои необыкновенные цветы.

Старик ботаники посмотрел на Ольгу и Светлану, улыбнулся удивленно:

— Да мы, кажется, знакомы, верно?.. Ну, здравствуйте, здравствуйте!

— Откуда они знакомы?! — громко засмеялся Огоньков. — А ну, здоровайтесь, малышня! Я вас живо-два перевоспитаю!..

Было видно, что он это говорил несерьезно, а просто так, для смеху.

— Здравствуйте, — сказала Ольга. Так противно получилось, будто они без Огонькова не поздоровались бы!..

— Сам ты малышня! — вдруг выпалила Светлана. — Сам перевоспитывайся!..

— Ах ты тюлька несчастная! — удивился Огоньков.

— Геня! — старик ботаники резко поставил лейку на стол. Из нее в разные стороны выпрыгнули брызги.

— Сам ты тюлька! — закричала Светлана. — Знала я, что не надо к нему идти. Вожатый нашелся! Растрепал!

— Чего?!

— Того! Сначала ботаники почисти, воротничок постирай, штаны зашей...

— Да я тебя сейчас!...

— Дурак, дурак! Оборвашка!...

Распихивая стулья, Огоньков двинулся на Светлану. Зацепился китемелю о стол — отлетела пуговица. Дверь за Светланой громко хлопнула.

— Геня! — Дорогу Огонькову преградил старик ботаники.

— Да пусти ты!

— Куда? Зачем?!. Что ты хочешь делать?..

Ольга ни жива ни мертва пошла к двери. Она видела сейчас только дверь. И хотела только одного — поскорее уйти... Хотя на самом деле ей этого совсем не хотелось!..

— А ну на место! — закричал Огоньков. — Куклы самовольные!

Ольга сразу остановилась и тут же заплакала. Слезы брызнули из нее, словно струйки воды из той переполненной лейки.

Она совершенно не знала, что ей делать!.. Нет, она не испугалась. Но так обидно было! Хорошо бы, как Светлана: дать этому Огонькову как следует, перекрычать его!..

Но не каждый умеет так ловко кричать. Да и старика ботаники жалко. Вернее, жалко с ним не подружиться. Да и Огоньков — она же сама к нему в октябрятя напросилась.

— Ты, девочка, не уходи, — мягко сказал старик. — Это все нечаянно получилось. Ну, Геня! Верно?

Огоньков молча дернул плечом. При этом он глядел в окно. Ольга вынула платок, тихо пошморгалась. Потом она подняла с полу блестящую форменную пуговицу, положила ее на стол перед Огоньковым.

— Давайте о растениях позаботимся, — сказал старик. — Они ведь не виноваты, что мы соримся, верно?

— Как тебя хоть зовут-то? — спросил Огоньков и полюбил пуговицу в карман.

— Ольга.

— А меня — Гена, а деда моего — Борис Платоныч.

...Старик разводил в банках разные соли — минеральные удобрения, а Генка и Ольга поливали цветы... растения. Какое Борис Платоныч скажет, такое они и поливают. Потому что каждому растению нужна своя еда. Не станешь же кошку сеном кормить, а лошадь, например, зайцами... Это старик ботаники такой веселый пример привел!

— Ты не смейся, не смейся, — важно сказал ей тогда Генка. — Они его знаешь как слушаются!

— Кто?

— Все растения. Они к его дню рождения знаешь как зацветут!.. Я тебе честно говорю.

Старик ботаники улыбнулся и покачал головой; тихо:

— Нет, они не слушаются. Они просто понимают, что я им говорю.

— Как же так вы им говорите?

— А вот видишь: у меня переводчики — лей-

ка, вода, удобрения, ножницы, тяпочка... — он помолчал раздумчиво и потом добавил:

— А вообще, девочка, они и слова наши понимают... Это удивительно, но факт!..

И еще Ольге неприятно запомнилось: когда она выходила... Когда она уже вышла из школы, какой-то парень в желтой рубашке и джинсах крикнул:

— Эй, Огонек, поди сюда!

Генка посмотрел на него:

— Перебьешься!.. А будешь один, я с тобой потолкую, понял?

— Ничё, мы завтра... — пропел парень, стоящий рядом с желтой рубашкой. Всего их было четыре человека.

— Это Семаков, да? — спросил старик ботаники. — Из седьмого «в»?.. А других я что-то не знаю...

— Бить меня собрались! — зло усмехнулся Огоньков.

— Геня-Геня! Ну зачем тебе это?!. Несерьезно, недостойно!

— Ладно, дед! Занимайся ты своими кактусами, понял?

Ольга посмотрела на Борис Платоныча. Опять у него было растерянное лицо, как тогда однажды, на лестнице...

Генка сердито плюнул и быстро-быстро пошел вперед. Ольге как-то стало неловко идти со стариком ботаники. Борис Платоныч будто догадался об этом и сказал:

— Ну, до свидания, Оля. Спасибо тебе за помощь хорошему.

И сразу повернул направо, в улицу...

* * *

Наутро в школе появилась «Молния». Хотя она всегда по старшеклассникам бывает, Ольга все-таки остановилась посмотреть. Нарисован был мальчишка со зверской физиономией. Он стрелял из рогатки. А напротив стекла — уже разбитое. И подпись в стихах:

«Вот каков

Огоньков!»

Сердце у Ольги неприятно забилося. Она хотела поскорее уйти от стенгазеты, как будто боялась, что кто-нибудь увидит ее здесь и станет смеяться. Обернулась — и правда, как назло: Светлана стояла рядом!

— Хорошо, что мы от него ушли, да? А то бы сейчас краснели. Придурочный какой-то! — Светлана жевала домашний пирожок. Ей-то было все равно...

— Я от него не уходила! — сказала Ольга.

— Ты что?! — Светлана махнула своим пирожком. Из него даже рис посыпался. — Ты что, дуручка, Ольга?

— Не Ольга, а Ольга!.. И раз я обещала быть его октябреньком, то буду. А бросать вожжатых — так тоже нечестно!

Ольга минуту назад ничего такого говорить не собиралась. И ссориться не собиралась. Но сейчас вдруг все само получилось. А Светлана опять махнула своим пирогом. На этот раз из него выпал кусок вареного яйца.

— Подумаешь! — сощурила она злые зеленые глаза. — Подумаешь, раскричалась здесь, расфуфырилась!

— Не раскричалась, а правильно!

— А я-то ей хотела вещь одну сказать. Теперь уж фигушки! Хоть сто раз проси!

— А мне и не надо!

— А я и не скажу, ни за что! Понятно?

Ольга отвернулась.

* * *

С той поры дела у нее вдруг пошли не складно... Нет, училась-то она по-прежнему: то три, то четыре, а то и пять!.. Но во всей другой школьной жизни ее начинали потихонечку оттирать, проходить мимо нее, словно бы не замечая.

Весь второй класс «в» придумывал со своими вожатыми разные интересные штуки: то пойдут куда-нибудь, то соревнование между группами, то выставку фантиков.

Их октябрятский отряд даже один раз похвалили по школьному радио. За активную жизнь. Но Ольга-то знала, что это совсем не ее хвалили, а других!..

Обидно было. А что поделаешь? К другому вожатому идти? Стыдно! Сама же, действительно, расфуфырилась про честность! А Генки нету и нету, хоть тресни! Наверно, уж и забыл Ольгу тысячу раз!

Вот такое невезение. У класса идет себе октябрятская работа. Все что-то делают, друг с другом разговаривают про это, смеются, спорят. А Ольга в стороне. Ей и говорить не о чем.

Со Светланой они как поссорились в тот раз, так больше и не мирились. Правда, пришла однажды на чтение к ней записка. Там Светланойными круглыми буквами было написано: «Ольга! Я в последний раз говорю. Можно с нами быть у Нasti Карповой. Только от него ты должна уйти. С. Карасева». Ольга прочитала записку три раза. «От него» — это от Генки, значит. А с кем это «с нами»? Тоже понятно — с Таней Лазаревой. Светлана теперь с Таней Лазаревой дружит — Ольга это уже заметила... Ну и очень хорошо!..

Она специально, чтоб Светлана видела, порвала записку и отвечать ни слова не стала. Так вот и кончилась их маленькая дружба... Но Ольга все-таки плакала из-за этого один раз.

— Ты чего? — мама спросила.

— Коленку ударила...

Мама так внимательно на нее посмотрела:

— Вот ты, доча, и скрывать от меня начала!..

Но выпрашивать ничего не стала.

* * *

Наконец Ольгу такое зло взяло, что она решила сама пойти к Огонькову. А что? Она ведь, в конце концов, знала, где он учится, — в шестом «в»!

На большой перемене она вместо буфета отпросилась у Натальи Викторовны и пошла на третий этаж. Шла и злила себя для храбро-

сти: «Старший товарищ, называется! Не старший товарищ, а старший предатель!.. А Ира, пионервожатая, тоже хороша! Нечего уж сказать! Хоть бы один разик проверила, как се пионеры работают».

— Я тебе точно говорю! У Семаква вот такуший фингал под глазом.

— Огонек?

— А кто же еще!.. Ну, ему тоже сегодня делают!.. Будь спок.

— Когда?

— После шестого. Только смотри — ни звука!

— Железно!

Два мальчишки, дежурные, разговаривали, стоя у дверей третьего этажа... Тут они Ольгу заметили:

— Ты чего здесь ошиваешься?

— Пройти надо.

— Ну так и слепай быстрее! А не подслушивай чего не следует!..

Ольга бегом помчалась к шестому «в». Уж не думала, что сердилась на Огонькова. Только б найти его скорее!..

Генка одиноко стоял у окна, засунув руки в карманы.

— Огоньков! Эй, Огоньков! — громким шепотом позвала Ольга.

— О! — удивился Генка. Лицо его сразу сделалось насмешливым. — Явилась! Чего тебе?

Опять Ольгу злость заела:

— Эх, ты! А еще вожатый называешься! Другие вон...

И потом, поняв, что ерунду говорит:

— Тебя бить хотят! После шестого урока.

— Кто тебе сказал? — он еще насмешливо спрашивал, но глаза уже загорелись зло и озорно. «Правда, что Огоньков!» — подумала Ольга. — Ну, дак откуда взяла?

— Слыхала. Мальчишки дежурные разговаривали... А ты от них убег!.. И пусть как дураки ждуть!

Огоньков шекой дернул:

— Ладно, разберусь!.. В общем, спасибо за предупреждение, — и пошел в класс.

— Хочешь, я учительнице нашей скажу?

Огоньков остановился сразу. Посмотрел на нее презрительно:

— Ты что, больная?! Не суйся ты не в свои дела, понятно?

Потом вроде смягчился. Вроде стыдно ему стало:

— Зайду к тебе завтра.

* * *

Оставшихся два урока Ольга просидела как на иголках. Вернее, сердце ее было как на иголках. Все как-то ныло, ныло внутри. Словно это ее собирались избить, а не Огонькова... Эх, если бы ее! Она бы преспокойно учительнице все сказала или бы сумела убежать!.. Но этот ослиный Огоньков не собирался, кажется, ни убежать, ни жаловаться!.. Ну что ей делать, что?!

А кругом никто ничего не замечал — класс жил по-своему. Могла бы Наталья Викторовна заметить. Да у нее голова болела, она прямо посреди уроков два раза пила таблетки. И говорила сейчас тихим медленным голосом. И от этого в классе было как-то слишком тихо. И время на уроках тянулось медленно. Прямо невозможно было досидеть до звонка.

Наконец пришла воспитательница Зоя Васильевна — начали стронуть шумно, толкаться. Пошли обедать. Класс превратился в группу продленного дня.

Обед был вкусный — все Ольгино любимое. К тому ж она ведь сегодня еще и не завтракала — большую перемену истратила на Огонькова...

И теперь Ольга ела, обо всем позабыв, поглядывая в большое школьное окно. Погода еще стояла хорошая, солнышко светило. Но ветер уже дул по-осеннему. Листья летели мимо окон столовой целыми тучами...

Так ела Ольга, отдыхая от своей большой заботы... Но едва только компот допила и стакан на стол поставила, опять вспомнила — опять заныло где-то внутри, будто зуб заболел.

Продленная группа пошла на прогулку. Ольга отправилась в класс. Подумала: ну что ж, пока хоть домашнее задание поделаю. Времени еще оставалось почти полтора урока. Достала задачник и тетрадку по арифметике. Написала: «26 сентября». У букв ноги разъезжались, словно бы они стояли не на строгой синей линейке, а на скользком льду. Ольга нахмурилась, прочитала задачку: «...купил в магазине две тетради и ручку...»

Было совершенно непонятно, чего дался ей этот Огоньков Генка. И почему именно она должна отвечать за него? За шестиклассника!

Неожиданно звонок затрещал. Ольга почти его не услышала, споря сама с собою. Главное, что она не знала, как поступить! И вдруг снова звонок грянул — кончилась перемена между пятым и шестым уроком. И тут Ольгу словно кто шилом кольнул: «Господи! Да ведь старику же ботаники надо сказать! Он уж обязательно что-нибудь...»

Ольга скорее выскочила из класса, запрыгала по лестнице не хуже самого Огонькова. Школа сейчас была похожа на вокзал, с которого уходят разом сто поездов. Звонки на отправленные дан, поезда, как видно, уже тронулись. И все бегут, бегут, стараясь догнать двери своего поезда. И Ольга бежит — вот и ее дверь. Стучаться или прямо так?.. Постучала, дернула ручку — закрыто!.. Нету старика ботаники, никто не поможет ей. Все должна сама решать!

* * *

В школе сидеть она больше не могла. Вышла на пустой двор. Ветер дергал ее платье в разные стороны. Ольга вынула из портфеля кофту, застенула на все пуговицы. И все равно по телу бегали иголки дрожи — то ли от холода, то ли еще от чего.

Так, переминаясь с ноги на ногу, она про-

стояла у школы весь шестой урок. Наконец заглушенный стеною задребезжал звонок. Сердце у нее сразу забилось быстрее, быстрее. И совсем уже нестерпимо стало ждать!..

Но вот двери начали открываться со стуком и грохотом. Старшеклассники ватагами выходили на улицу. Многие с удивлением поглядывали на Ольгу.

И вдруг она увидела: вышли те мальчишки, дежурные, и еще двое. Они привалились спинами к деревянному заборчику, за которым был ботанический участок, и стали тихо о чем-то переговариваться. Было ясно, что они ждали. Ждали Огонькова! Ольга быстро отступила за колонны школьного крыльца. И стала подглядывать оттуда.

Теперь, когда враги были прямо перед нею, она почему-то начала успокаиваться: в конце концов, Огоньков все знал. Он мог хоть сто человек с собой взять против этой четверки! Ольга даже хмыкнула злорадно...

И тут она увидела Огонькова. Он был один. Стоял на верхней ступеньке широкого школьного крыльца и смотрел на своих врагов. Ольгу, которая была в каких-нибудь двух шагах от него, Огоньков, конечно, не замечал.

— Ну, что, орлы? — спросил Генка. — Кто тут из вас посмелее?

Мальчишки малость трусили, они — как и Ольга вначале — решили, наверное, что Огоньков тоже пришел со своими друзьями. Но вдруг они поняли, что Генка совершенно один! И их, видно, зло разобрало, что они испугались его — одного человека. Они начали ругаться. Ольга почти ничего не понимала в этой ругне, но все же догадывалась, что это самые злые и черные слова. У нее дыхание перехватило, она только повторяла про себя: «Ой! Ой! Ой!» Но Огоньков уж наверное все понял. Он сбежал вдруг на землю по ступенькам и спросил:

— Ну что ж вы? — словно бы старался их подбодрить.

Он теперь стоял почти рядом с ними... И вдруг сильно ударил крайнего мальчишку кулаком в нос, а потом в живот. Этот мальчишка отшатнулся, скрючился, но зато остальные трое наконец будто опомнились. Раз — и один сцепился с Огоньковым, раз — и другой повис сзади. Генка упал... И тут словно какой-то ветер подхватил Ольгу. Она выскочила из своей засады, замахнула портфелем:

— Бандиты! Бандиты! Я все про вас видела! Неизвество, что бы она сделала дальше. Наверное, треснула портфель, что под руку повернется. Да споткнулась на последней ступеньке и со всего маху рыбок ахнулась на асфальт.

— Ата-! — крикнул кто-то из четверки. — Сейчас шум будет. Отваливай... — И топот ног.

Ольга вскочила спорячая. Увидела, что Огоньков сидит прямо на краю школьного тротуара. На переноске ссадина, из нижней губы, расплазаясь жирным пятном, идет кровь. Огоньков лизнул губу, сплюнул:

— Ну, ты даешь! — вдруг он увидел что-то, встал, шагнул к Ольге. — Да ты... смотри-ка!..

Тут Ольга и сама почувствовала какое-то теплое шекотание по левой ноге. И сразу больно-больно стало!.. Ой, Ольга даже пошатнулась: вся колечка была в крови, и дальше, вниз по ноге, ползли красные змейки, осторожно трогали розовый Ольгин носок. «Вот хорошо, что не белые голфы», — подумала Ольга. И тут в ушах зашипело и зазвенело, перед глазами запыржали золотые и черные круги. Ольга попятилась назад и села на холодную гладкую ступеньку...

* * *

Минут через двадцать Ольга с обвязанной ослепительно белым бинтом коленкой хромала по школьному двору на улицу. Огоньков нес ее портфель.

Ольга все никак не могла забыть те жуткие мгновения, когда врачаха промывала ей огромную ссадину, вытаскивала из-под кожи два камешка, состригала ножницами грязные красные лохмотья. А потом все прижигала да прижигала йодом!.. Больно было ужасно. Еще и теперь ныло и дергалось, будто в ту коленку сердце переселилось.

Но во время всей операции Ольга почти что ни звука не проронила. Очень хотелось заплакать. Между прочим, ей даже говорили, что полезно пореветь немного, когда очень больно. Однако приходилось зубы все время стискивать и молчать, потому что рядом стоял Огоньков. Сам привел ее туда, и, когда врачаха сказала ему выйти, твердо ответил:

— Нет!

— Она тебе кто, сестренка?

— Из моего звена. Я жохатый!

Добрая врачаха, конечно, и знать не знала, какой Огоньков жохатый и что это у него за звено. Она только растерянно плечами пожала:

— Ну... ладно...

И Огоньков остался.

* * *

— Чего, домой тебя проводить, что ли? — неловко спросил Огоньков. — Мать небось там икру мечет?

— Не мечет, — ответила Ольга. — Она во вторую смену ушла. Ее до самого полдвенадцатого ночи не будет.

— А кто будет?

— Я.

— Погоди, а... это самое...

Ольга догадалась: Огоньков про отца хотел спросить. Отца у нее не было. Она еще в малышскую группу ходила, когда отец... уехал. Да, так мама сказала: «Уехал».

Теперь он слал только переводы денег. Каждый месяц мама говорила:

— Надо на почту сбегать...

А в руках у нее была всегда одинаковая серовато-желтая картоночка с таким пушистым оборванным краем. Ольга (уже забыла отку-

да) знала, что это отцовский перевод. Однажды она заглянула в эту бумажку: «45 руб. 00 коп.» Вот, значит, сколько полагается на ее воспитание — сорок пять рублей...

О бывшем отце и о картонных переводах Ольга думала привычно, спокойно. Только не любила, конечно, когда об этом выспрашивали.

А Генка — он ведь ничего не знал. Однако сразу почувствовал, что начинается неловкость, и замолчал. «Как Борис Платоныч», — подумалось Ольге. И стало приятно, что он чем-то похож на старика ботаники.

— А хочешь, пойдем к нам, — прервал молчание Огоньков. — Чайку по стаканчику треснем.

— Как треснем?

— Ну — выпьем. — И вдруг добавил: — У меня дед чего-то загибается. — Постучал пальцем по груди. — Моторчик отказывает.

Ольга с трудом слушала Огонькова. Не могла она себе как-то представить домашнее неторопливое чаепитие рядом со словом «треснуть», а болезнь старика ботаники рядом с «загибается».

— Ну чего, пойдем? — уже нетерпеливо спросил Огоньков.

Ольга кивнула.

— Лады!.. Не болит?

— Прошло уже.

— Деду скажем, что упала; и больше ни звука. — Огоньков заикнулся. — В общем, что без драки. А то он, знаешь... Он это самое...

* * *

Старик ботаники лежал на очень широкой деревянной кровати, разукрашенной резными фруктами и людьми. И кругом было все старинное, и пахло старинным. И книги поблескивали зеленым и красным в застекленном шкафу на львиных лапах. И с потолка спускалась потемневшая медная люстра.

— Вот привел к тебе гостя, дед! — громко сказал Огоньков.

Старик ботаники приподнялся на мягкой подушке:

— Оля пришла! — он улыбнулся, быстро осматрел ее добрыми глазами. — Вот так чудо! Вот так молодец!.. Ой, ой! Погоди! Ногу себе где-то разбила. Господи! Кровь-то какая!..

И правда: на бинте просвечивало красное пятнышко. Надо же, просочилось!..

Старик ботаники стал ее расспрашивать, что да как, и здесь Ольге пришлось малость придраться... Но потом они стали говорить про школу.

Вопросы его были совсем простые. Ольге хорошо и спокойно было отвечать ему, сидя на прямом деревянном стуле с высоченной, как башня, спинкой...

Когда взрослые с детьми разговаривают, то они обычно, что? Или веселятся над тобой, словно ты конференсье. Или начинают тебя веселить. Но редко кто из них говорит серьезно. Редко кому интересно просто поговорить. А Борису Платонычу именно было интересно.

— Дед, рубать чего есть? — крикнул Огоньков откуда-то из другой комнаты.

— Суп я варил из пакета. А второе, Геня... Сходи, дружок, за котлетами. И с вермишелью их отварной...

— Я суп твой греть поставлю, посмотрите здесь! — входная дверь захлопнулась.

Через две минуты Ольга пошла на кухню, к супу. Боже ты мой. Что это была за кухня. В жизни Ольга не видала столько посуды грязной. Вся мойка была завалена ею и весь стол. И на полу, на желтом линолеуме, сплошь пятна — черные, серые, бурые, какие-то зеленые, словно это не пол, а географическая карта.

Она вернулась к старику, и видно, на физиономии у нее было что-то такое написано. Старик ботаники спросил — Ольга только покраснела. Ответить она не знала как и поэтому не решалась. И вдруг в голову пришли совсем простые слова:

— Можно я там... Я хочу помыть там немного.

Старик ботаники смотрел на нее одну секунду. Потом глаза ответ. И, честное слово, Ольга не ошиблась: он покраснел! Покраснел и сказал:

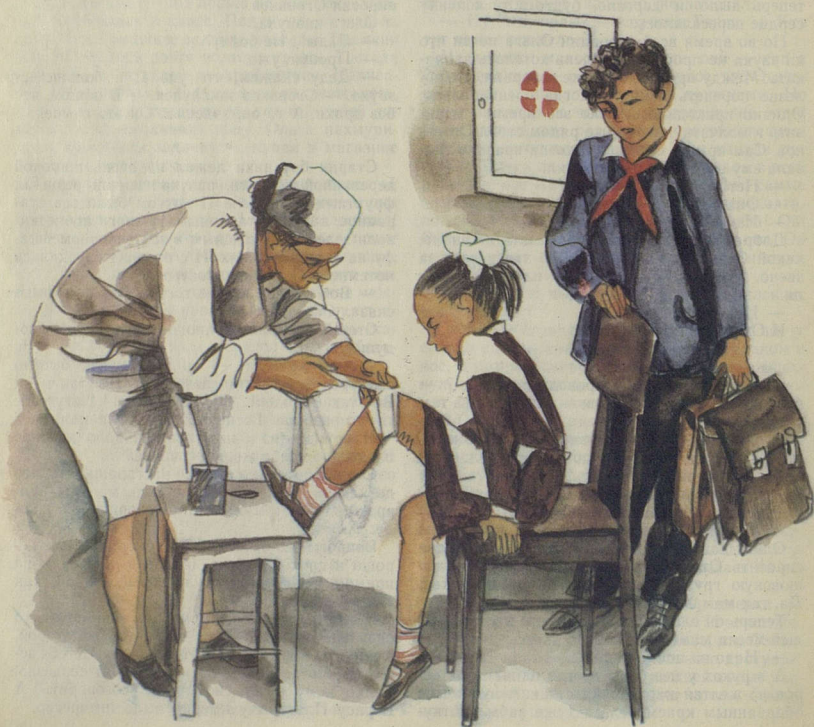
— Спасибо тебе большое, милая. Мы ведь с Генькой одни. Да вот я еще, видишь...

Ольга нашла старую, сухую, аж запыхавшуюся мочалку для мытья посуды и кусок мыла. Началась работа. Ольга очень хорошо знала ее. Сперва посуды кажется такая гора, такие джунгли! А потом глядишь... уже надо думать, куда бы тарелки чистые ставить. Глаза боются, руки делают! Так мама любит говорить.

У них под праздники всегда гостей бывает — ого-го!.. А значит, и посуды потом целые кучи. Но если взяться дружно...

Ольга думала об этом, еще о чем-то. А сама мыла да мыла. Мокрыми руками выключила закипевший суп. В общем потихоньку осваивалась здесь и приводила все в должный вид. Очистила стол, поставила три тарелки, рядом положила три ложки, три вилки.

— Что-то и грохота никакого не слышно, —



за ее спиной стоял старик ботаники. — Неужели даже ни одного блюдечка не разбился?!

Ольга порозовела от гордости: стопки блюдца, тарелок и тарелочек стояли чистые и белые.

Генка вошел. Старик ботаники кивнул ему:

— Кто же здесь среди нас вожатый?

— Ну, дед, я просто умоляю до будущего года! Я просто ухажу в подполье!

— Только котлеты нам оставь!

Победатели, и старик ботаники сидел с ними за столом. После Ольга пол подмела, а Генка тряпкой на швабре все комнаты протер: кухню, кабинет, спальню, столовую. Это было не так уж и сложно. У них на полу линолеум. Вот если б паркет был, как у Ольги... Но зато у Ольги всего только кухня и одна комната.

А еще — и это главное! — все у них быстро оттого получилось, что Огоньков не злился и не хандрил, как обычно мальчишки, если их убирают заставляя.

— Палубу драить — это работа отличная! — кричал Огоньков. — Точно, Ольга?

И потом вдруг ни с того ни с сего запел грубым, как в радио, голосом:

— Жил-был король когда-то. При нем блоха жила. Блоха — ха-ха-ха-ха!

И Ольга тоже начинала смеяться, но не как в этой песне, а просто оттого, что смешно:

— Ха-ха-ха-ха!

И получилось еще смешнее...

Она вернулась домой поздно. Не очень поздно, но все-таки: только русский успела написать, началось «Спокойной ночи, малыши!» Ольга ее все еще смотрела — по старой памяти. Но спать после не легла. Еще арифметику надо было доканчивать, и чтение читать, приодоведение...

* * *

Потом они снова не виделись дня три. Ольгину уверенность, что все теперь наладилось, начал было прогрызать черный червячок. Да здесь еще Светлана с Таней Лазаревой начинали шептаться на виду у всего класса. Будто у них есть дело, страсть какое важное!..

Не то чтобы Ольге очень уж хотелось с ними быть. Но все же как-то обидно получалось. А вообще-то на Светлану Ольга уже смотрела вполне равнодушно, как на простую девочку. Даже один раз на рисовании попросила у нее тот знаменитый ластик. Светлана очень удивилась, но все-таки дала. А потом сразу на Лазареву: видела она или нет.

Когда Ольга отдавала и спасибо говорила, Светлана на нее шикнула — для Лазаревой, на всякий пожарный, — что, мол, свой надо иметь... Ольге было и смешно и обидно. Надо же, еще недавно дружили!.. Но это все было теперь неважно.

В субботу вдруг пришел Огоньков. Прямо в класс. Пошарил глазами, увидел ее: «Эй, иди сюда!» И пошел навстречу. Ольга смотрит, а у него на кителе пуговицы нет — той самой, которую оторвал, когда за Светланой погнался.

— Хочешь, пришью?

— Ты что? Заболела?

— Испугался?

— При чем здесь испугался?! — Огоньков быстро снял китель. — Не волнуйся, я не такое выдерживаю!

В субботу у второго «в» последний урок труд — значит, иглолка и нитки сегодня под руками.

— Ты побыстрей давай! — шепнул Огоньков, воровато озираясь.

Все же их многие успели заметить: из класса и, кажется, еще из третьего «а» — он рядом. Но хрюкнуть или там еще что-нибудь такое ни один не посмел. С Огоньковым не очень-то пошутить: на всю школу славится! Ольга это сразу поняла — и было приятно!

Только она кончила, Огоньков поскорее китель надел и уже обычным своим тоном:

— Короче говоря, дед сказал: если хочешь, мы с ним завтра в лес. Хочешь?..

— Хочу.

— Ну, приходи тогда к нам в восемь утра.

Тут она вдруг кое-что вспомнила:

— А мы вернемся во сколько?

В эту секунду звонок затрещал. Огоньков медленно поднялся, как будто он был завучем:

— Часика в три... Знаешь чего, вот тебе телефончик. Позвони деду вечером. — Он вынул из Ольгиной тетради промокашку, написал телефон.

В класс уже полноводной рекой лились втсроклассники. Но перед Огоньковым тотчас расступились. Будто он ледокол...

* * *

На воскресные уроки не задают. Но сегодня и без уроков забот хватало... Из лесу они вернутся часа в три, в четыре. Выходит, Ольги не будет целый день. А там уж вечера только маленький кусочек останется. Да еще мама запросится лечь пораньше. С понедельника ей выходить в утреннюю, надо выспаться.

В общем, неудобно получалось, неловко перед мамой. Целую неделю не виделись, только утром — наспех. А теперь вот и в воскресенье!..

Словом, домой она шла с тяжелым сердцем... А мама, конечно, все поняла по-своему:

— Ну что? За поведение, что ли, снизили? Ох, Ольга!..

— Да не снизили ни капелки!

— А чего ж дневник не показываешь?

— Я еще войти даже не успела!

Мама не спеша перелистала дневник. Она сидела за столом, сама — как ученица: худенькая и прямые волосы заложены за уши. Рассмотрела Ольгины отметки: пять за чтение, четыре по арифметике, четыре и три по русскому. А поведение за неделю стояло пять. Даже без всякого минуса.

Наталья Викторовна, между прочим, ужасно любит разные минусы выводить. И тогда воскресное счастье получается уже надтреснутым, как старое блюдце...

Сели обедать, и мама потихонечку старалась

загладить свою вину: что не поверила Ольге сразу. А Ольга-то как раз и не думала обижаться. Она, наоборот, сама все прилаживалась, как бы сказать про завтра, про лес... Но никак это было невозможно — язык прямо не поворачивался... Наконец, мама не выдержала:

— Ну, доча! Я же нечаянно... Ты все все сун не съешь никак, а меня уж глазами сто раз съела... Питерку получила, так я же, наоборот — очень рада!

— Я ни капельки! — чуть ли не испуганно сказала Ольга. — Я совсем про другое...

— А, про другое! Ну тогда хорошо... А про что?

Ольга молчала. Только ложкой блестящей водила по краю тарелки.

Суп и отбивные проехали в молчании. А на середине мороженого Ольга все рассказала.

— Тут, доча, ничего особенного нет. Хочешь съездишь — и съезди. Обязательно даже поезжай. Вот так и будет хорошо!

Вечером, часов в девять, когда Ольга, спокойная и счастливая, легла спать, уже засыпала, но еще не спала, мама взяла телефон и вышла с ним в прихожую. Сквозь тоненькую стеклянную дверь Ольга услышала ее голос:

— Марусю можно?... Алё, Марусь?... Ну да, это я, Настя Яковлевна... Вы завтра, значит, что? У Славы? Ага, да. И я смогу, представляешь? Подвозю малость. Меня дочка отпустила... Не, в лес уезжать. — И немного подумав, добавила: — Со школой...

«Вот как значит, — сказала себе Ольга. — Она и рада, что я уезжаю! Но не обижаться, ни даже просто думать об этом уже не было сил. Ольга уснула.

Утром она уж не помнила толком, что там было вчера. Только качало-то колочка паранула разок сердце, и все. Да и некогда было помнить. Пришлось спешить и спешить!

Пока Ольга присматривалась в ванной, мама варила яйца, готовила бутерброды. Ольга на кухню бежала — даже ахнула:

— Да ты что, мам? Я же столько съем? — А тут, доча, нам с тобой меньше... Меня вчера тоже кой-куда звали, да я отказалась. А уж вечером поздно, ты спала, позвонила, что ладно, поеду...

— А-а, — Ольга сразу вспомнила, за что хотела на нее обижаться. — А когда вернешься? — С тобой вместе. Или раньше на часок. Ты ведь в четыре?

— Да, Борис Платонов скажаль...

— Ну, а я в три или в полчетвертого. Мы вместе кинопопостебников поглядим! Ольга бежала проходным двором к дому Огонькова, и было ей так хорошо, так свободно, так честно вокруг! Руку грел сверток газетный — с бутербродами и неостывшими яйцами. А в сердце, на месте той, вынутой теперь колочкой, сладко-сладко ныло: «Какая мама у меня! Какая мама у меня — хорошая!»



ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО ВСЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

БАКИНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Как только выходили из самолета в Бакинском аэропорту, сразу же видишь на горизонте лес. И лишь когда подъезжаешь поближе, замечаешь: деревья в этом лесу металлические — нефтяные вышки. И около каждого «дерева» стоит небольшой «ослик» и мерно кивает головой. Трубы перерезают особыми устройствами, похожими на огромные водопроводные краны, — трубопроводной арматурой. Она перекрывает или перекладывает поток нефти. Вентили и задвижки, как регулировки на оживленных уличных перекрестках, всегда в работе...

ИМЕНИ ПЕТРА МОНТИНА

Во времена, когда нефтепромыслы принадлежали миллионеру Нобелю, приказал он построить темные корпуса из поздравного грубого камня. И по четырнадцать часов в сутки трудились в них ослы горнов и станков рабочие первых в Баку металлообрабатывающих мастерских. Чего продира к ним в мастерские молодой болельщик Петр Монтин. Собиравшись в детстве, читали «Искру», книги Маркса и Ленина. Здесь организовали первую в Баку забастовку. В 1905 году выбрали Петра Монтиня делегатом Закавказской конференции партии. Имя Монтиня ныне носит завод, снабжающий арматурой нефтяников Азербайджана и Тюмени, и многих зарубежных стран.

На территории завода сейчас шум большой стройки. То и дело перескакивают траншеи или уверяешься от экскаватора. Румшат стены старых корпусов и возводят

новые высокие цехи. И в одном из них привычно станет к токарному станку человек XVII съезда комсомола Исмаилов Исмаил Мира-оглы. Фотография, где Исмаил улыбается веселой и застенчивой улыбкой, висит на Доске почта рядом с портретами лучших производственников завода. Эту же фотографию я встретил в семейном альбоме Исмаиловых. Был там и другой снимок: Исмаил стоял на улице разрушенного города. «Это отец, фронтовая фотография», — сказал Исмаил. — А я — чуть дальше. Листая альбом, я увидел фотографию — вежи его фотография.

ИСМАИЛОВ-СОЛДАТ

После окончания школы Исмаила призвали в армию. С самого начала воинская служба давалась Исмаилу легко. С техникой и спортом он был в добрых отношениях еще в школе — успешно мастерил модели самолетов, был чемпионом по плаванию. Имел второй разряд по гребле.

Служил Исмаилов на Украине. Сначала его включили в экипаж танка заряжающим.

Освоив свою специальность, Исмаил стал внимательно и цепко примечать работу навод-

чика. И мысленно не раз повторял за ним всю механику выстрела. И когда однажды перед стрельбами наводчик заболел, Исмаил попросил: «Я попробую? Можете?»

Командир был удивлен: все три выстрела попали в цель... Через полгода его назначили командиром танка, к концу службы — старшиной роты.

...ТОКАРЬ

Работа токаря на первый взгляд проста. Взять из шпателя заготовку. Зажать в патрон. Нажать кнопку пуска. И вот резец на бешеной скорости врез с металла упругую стружку. Пришел Исмаил на завод учеником, сейчас у него четвертый разряд. Нормы выполняет на 150–170 процентов.

Как ему это удается?

«Понимаете, в работе станочника четыре составляющих — металл, инструмент, станок и время. Попробую поподробней... У каждой заготовки своя вязкость. Я чувствую плотность и упругость каждой заготовки пальцами, что ли... Разумеется, после того как врежусь в нее хоть раз резцом...

И каждый металл, каждая операция требует своего резца. Станок... Вы видели автомо-

биль, который грохочет и трясется, изво всех сил сопротивляясь незадачному шоферу? А рядом ухаживающая машина. Она сливается с водителем, кажется, помогает ему преодолевать тяжелые подъемы... Так и станок. Должен знать и чувствовать своего хозяина.

Во времена у меня отношения особые. На обработку каждой детали дается определенный срок. Получаешь задание и начинаешь ковылять: снять стружку в четыре приема? Долго... А если изменить геометрию резца, увеличить обороты станка? Значит, времени потребует меньше... А это важно, если дал себе задание выполнить пятнадцать за четыре года».

Вечером, когда затихает цех, сидит Исмаил над чертежами, вновь и вновь заточивает резцы — ищет единственный, самый удачный угол... А потом кое-что удивляется — как у него все просто получается.

...БРИГАДИР

Исмаилов — бригадир токарей. В бригаде шестеро молодых ребят. И отношения в бригаде, как в экипаже танка, — полная взаимовыручка, работа по принципу: умеешь сам — научи товарища.

Когда Исмаилов стал выполнять три нормы, он пришел к нормировщику и предложил уменьшить нормы вдвое. То есть сам себе сократил зарплату. Но не это главное — Исмаил научил товарищей по-новому задавать резец, настраивать станок. И добился, что каждый токарь стал снимать со станка столько же деталей, сколько и он. Так он стал Лауреатом конкурса «Научно-техническое творчество молодежи», инициатором движения «Сегодня норма переломилась — завтра каждого комсомольца».

...В Азербайджане Исмаиловы знают многие. И никто не может его представить без улыбки, в армии и у станка, в райком комсомола и в вечернем институте.

Так живет этот человек. Человек, у которого все получается.

Л. Эфрос

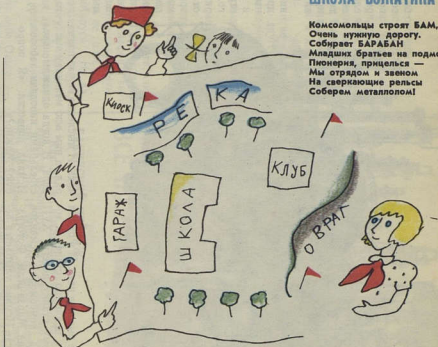
МЫ ЖИВЕМ НА БЕРЕГУ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА



Оформление Г. Говенчука

ШКОЛА ВОЖАТИКА

Комсомольцы строят БАМ. Очень нутную дорогу. Собирает БАРАБАН. Младших братьев на подмогу. Пioneры, приплывшие — Мы отрядом и знаменом. На сверкающих рельсах Собирает металлолом!

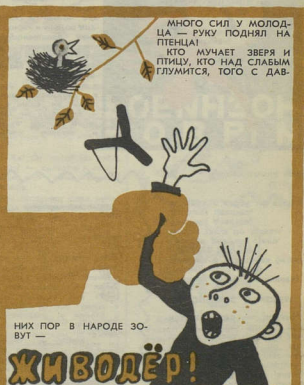


Как только сошел снег, отрядные разведчики порывались на службу. Теперь можно проводить операцию «Пioneрские рельсы». Ребята! Ждем от вас сообщений — как прошла разведка и сама операция. Не забывайте обязательно писать: «ПIONEРСКИЕ РЕЛЬСЫ — БАМУ».

ЖИВОДЕР СРЕДИ НАС

Здравствуй, дорогой БАРАБАН! Хочу рассказать тебе про одного живодера. Его звать Юра. Он учится со мной в одном классе. Сначала разбил охоту, потом из рогатки стрелял в пугал. Я ему сказала, чтоб не стрелял, а он и не слушает. Собирает мякиши и идет с ними в лес, и там стреляет в птенцов. Дорогой БАРАБАН, кто делал?

Зина Баранова, Кемперовская область, деревня Озерка



НИХ ПОР В НАРОДЕ ЗО-ВУТ —

ЖИВОДЁР!

Этот плавает, Зина, советую перенервовать покурнее и по-весить в классе. Наверняка одумается Юра.

Вожатик

И сторож, и нянька, и друг дорогой, Ты в лес за грибами — она за тобой. Схвативши на реку — рада на реку. К школьному проводит прыгучку... А что не знает

ВОКРУГ БОЛЬШОГО БАРАБАНА

ДОГИ И ДВОРНЯГИ

В БАРАБАН приходит десятки писем такого содержания: «Очень хочу иметь собаку породы бульдог или восточноевропейская овчарка», «Дае достать муфлондлера», «Я мечтаю о доге или, в крайнем случае, о Боксере», «Если б у меня была собака породы чау-чау, я был бы совершенно счастлив!»

Прочел я все эти письма и обиделся. Знаете, за кого? За обыкновенную русскую дворятку. Про нее — ни в одном письме! А ведь это несправедливо. К сожалению, некоторые ребята мечтают о собаке, как мечтают о красивом платье или туфли — как, мол, я буду рядом с ней выглядеть, как мне будет ее завидовать... А ведь собака не игрушка и не украшение.

Подумав так, я написал стих: «Дог и дворняга»:



Лучший на свете

пепельный дог, Ни у кого нет киваченья в БАРАБАНАх. Он медлитист мисопорный. И сплутит имеет благородный. А что дворняжка коротконожка, Витюха — считанные единицы. Дог не любит уличной давки, Посторонние, шавки!

Ничего не имею против дога, (ты, больше от дога немого). А что дворняжка коротконожка, Так в этом она, ребята, Честное слово, не виновата. Если балованная, так и милая.

КОГДА Я ПОЛУЧАЮ ПИСЬМА ОТ ЕЛКИ, я очень радуюсь. Елка — это мой подруга из ДАР. Елки адрес мне дан в нашем кружке юнкоров при Доме пioneров. Елка живет в Берлинге, она очень аккуратно отвечает на мои письма, прислала открытки, фотографии, рассказывает о Берлине, о друзьях.

Рад Яковлев, Белоозерск, Свердловской области



ЕСТЬ У НАС В СЕЛЕ ПАМЯТИН ПАСИВЫЙ ГОРЯЧИЙ. Сейчас он стоит красивый, чернышка растет ридом, место загородного огорожено, на клумбах легом крине цветы растут. А раньше загородочка была ломаная, цветы похотише, валялись бумага, окури... Теперь над памятником взяли шефство пioneры — пакатники ветками. Я сама слышала, как моя бабушка сказала: «Ну вот, моего сыночка не забывают... и запылали».

Татья Клейн, село Гордище Свердловской области

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О НАШЕЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ. Сейчас у нас в школе юных летчиков учатся несколько ребят. На первый курс зачисляются шестого-седьмого класса. Проходят основные аналиты, военную парашютную подготовку, изучают историю авиации и космонавтики. На втором курсе — радиотехника, на третьем — теория и практика самолетостроения. Летом выезжаем в военно-спортивный лагерь. У меня две подруги — Роза и Люба. Роза — командир нашей группы. Она очень работящая и курортная. Конечно, не все выпускники станут авиаторами, но у нас закладывают волю и характер.

Надя Евдокимова, Ижевск

крас), Мише Аникиеву (Ленинград), кружку юнкоров при Доме пioneров г. Белоозерска Брестской области и персонально участникам этого кружка — Алле Бренкович и Нине Матлаш, Люде Волободич (Старый Оскол), Лене Кушелевой (Томск), Ире Буньковой (Биробиджан), Андрею Дерешкову (Костромская область), Свете Введенской (Москва), Гале Захариной (Калужская область), Рае Пастуховой (деревня Ченцы Ивановской области), Тане Клейн (Свердловская область).

Заметки, стихи, рассказы, фотографии эти ребята написаны в БАРАБАНАх в 1974 году. Если хочешь познакомиться с ними; возьми в библиотеке прошлогонного номера «Костра».



разры орунуж — гранаты, автоматы, штыки, проты каски. Есть кусок

итронбабеля, который ложился по дну Ладожского озера героин-водолаз. В самое таинственное по этому кабелю попал ток с Волховской плотины на ленинградские заводы и фабрики. Сейчас в нашем отряде человек. Отряд поддерживает связь с ветеранами, мы отсылаем родственникам погибших на Ладожском озере. Наш музей посетили тысячи эссантов.

Командир отряда скалопатов Лена Вешнякова, поселек Восточного Ленинградского области



Удостоверения юных корреспондентов «Костра» за 1974 год вручили: Андрей Боровских (Ленинград), Любе Гурияновой (Удмуртия), Оле и Лене Тарасовым (Ленинград), Гале Пеговой (Горьковская область), Гале Кошелевой и Лене Кушелевой (Ленинград), Юре Шехтеру (Петрозаводск), Свете Исоселовой (Ленинград), Сергею Лозичкому (Алтайский край).

ТАД

Где-то, на юге, осень,
Хлеб спускает в закрома.
А у нас уже не осень,
А у нас уже зима.

Где-то песьи жарены пропята
И ждет весны-зиму.
А у нас весной не пахнет,
А у нас уже зима.

Где-то листья распустились
И небес голубина...
А у нас еще не лето,
Только ранняя весна.

Где-то август, жаркий месяц,
Плодоносный осень.
А у нас уже не лето —
Наступила осень.

Волода Ткачук,
Мурманская область,
7 класс

профессор
ЭВАСИЙСКИЙ
ЗНАЕТ ВСЁ

Дорогой профессор! У нас с Серёжей Кузнецовым разгорелся спор. Я

говорю, что собаку надо учить с 9 месяцев, а он говорит, что с 6. Кто из нас прав? И еще один вопрос: какая египетская пирамида самая высокая и сколько она метров?

Алена Кондратьева,
Челябинская область

Дорогой Аленаш! Сначала о собаках. В обучении служебной собаки надо различать воспитание и дрессировку. Воспитание начинается сразу, как только щенка отнимут от матери. Это приучение к кличке, ошейнику, поводку, подзыву по команде «кю» и т. д. В дрессировку, как правило, собака поступает в возрасте 9 месяцев (реже — 1-8, но никак не с 6!). Ручку начинать переход к дрессировке, чем начать ее преждевременно, так и нервная система собаки должна как следует окрепнуть. Если вы с Серёжей всерьез интересуетесь обучением собак, почитайте

специальную литературу, например, книгу В. Бочарова и А. Орлова «Дрессировка служебных собак». Впрочем, в библиотеке вам предложат множество книг на эту тему. К сожалению, многие читатели летят к саму ходить в библиотеку, просят ответы на свои вопросы. Я что-то не припомню письма, в котором бы говорилось: «Я, мол, прочел такую-то книгу, но вот на данный вопрос ответа все-таки не нашлось. Теперь о пирамидах. Самая высокая — пирамида Хеопса, 146 метров.

С уважением,
проф. Эвасийский

Дорогой БАРАБАНИ! Раньше я жила в городе на Черном море. Когда я от туда уезжала, мне было не пять лет. В тот день я написала стих: «Прощание с морем». Раньше я не любила читать не давала, а недавно дала подруге. Та начала смеяться. Я очень обиделась. Я сама знаю, что эти стихи несовершенны и, наверное, сейчас не писала бы лучше, но тот стих для меня навсегда дорог и обидно потому, что подруга этого не поняла.

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Черное море проснулось,
Черное море ревет.
Девочка в туфельках белых
К берегу тихо идет.
Грустно давнее стало,
Слезы текут по щекам,
Уезжает девочка,
Уезжает девочка,
А моря с собак не взыщут...

Оля К.,
Краснодарский край

ВОИ ЭТО ДА!

ТИМАСТ

Ори Люткова,
Нижняя Гута
Латвийский край

И случилось
Охота
Серьезно

Вот о чем писали юнiores ленинградского журнала «Новый Робинзон» пятьдесят лет назад: «Плохо пришлося пионерам зимой: в трех небольших комнатах занималось до 300 человек. Но несмотря на то что в комнате моей раз собралось до пяти звеньев, работа шла. Издавались стелные газеты,

проводились беседы и празднества. Вскоре ребята в комнату не заходили. Совершили прогулку в парк... На лето поехали в деревню. Заводу управление, партия и комсомол организуют лагеря». Подшефный воинский полк и авторбронешкола дают павати, пишу и многое другое. Госуд в лагерь дает группы, по 15 человек. Кроме упреления докторов мы ставим задачу крепче спаяться с деревенскими ребятами, организовать по деревням пионеротряды и оказать помощь бедным крестьянам.

Лена Романов,
1925 год

НОВЫЙ РОБИНЗОН

готов!

7

ДЕТСКИЙ ЖИНАЛ

Дорогой Почтанин, я попробовала изобразить школьные прои в рисунках и стихах, школьные дела и буду щие фондиции, которую и меланцию, которую далеко. Стишок мож называть «Добрая душа», конечно.

Людя Волобуева,
с. Старый Оскол

Дорогой Почтанин, я ре- поборовала изобра- жать школьные прои в рисунках и стихах, школьные дела и буду щие фондиции, которую и меланцию, которую далеко. Стишок мож называть «Добрая душа», конечно.

Людя Волобуева,
с. Старый Оскол

Дорогой Олег! Твое стихотворение я посвятил тем, кто не хочет сам делать уроки, а вызывает за счет родителей. Оно было напечатано в школьной стенгазете.

Олег Артеменков, Москва

Дорогой Олег! Твое стихотворение я посвятил тем, кто не хочет сам делать уроки, а вызывает за счет родителей. Оно было напечатано в школьной стенгазете.

Олег Артеменков, Москва

Дорогой Олег! Твое стихотворение я посвятил тем, кто не хочет сам делать уроки, а вызывает за счет родителей. Оно было напечатано в школьной стенгазете.

Олег Артеменков, Москва

Всё
ПОЧТА

Моя подружка
Поздравляет

— Эй, Палочкин, у тебя рыба сорвалась! —
— Что ты, Иванко... Она просто в лунку не пролезла.

Хай! Ого! Ого! Тебя, что ли! — слыла выла- вающе, но сама устроилась.

Мой соперник смал кулаки. Он сделал это почему-то робко, неловко, но я испугалась еще больше — мне никогда не приходилось драться.

Все же я приняла угрожающую стойку, и это мне, наконец, удалось, потому что мальчишка вдруг попятился. Собрав всю свою храбрость и все силы, я размахнулась и пошла в пасть к козырьку. Шлопка слетела, и тонкие рыбки коснулись упали на плечи моего соперника. Я молча сняла купу.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Однажды вечером идея пришла мне в голову, что, если на один вечер стать мальчишкой... Я надеялась, спортивную рубашку, волосы спрятала под пачку кепки.

Я шла криво, никому не уступая дорогу. Мне явдур затолкаться свистеть, как Петя Канинский. Я заложил палцы в рот и прозвонительно... писнула. Прохожие как-то странно посмотрели на меня, а я, окинув всех небрежным взглядом, не спеша пошла дальше.

На перекрестке в начавшую толпиться мальчишью в летней шапочке с пластмассовым козырьком. Он останавливался.

— Ты что, не видишь, куда идешь!

Я чуть было не ответила извини, пожалуйста — во времена, я вспоминаю, что Петя в таких случаях никогда не извиняется.

— Ты что, не видишь, куда идешь!

Я чуть было не ответила извини, пожалуйста — во времена, я вспоминаю, что Петя в таких случаях никогда не извиняется.

— Ты что, не видишь, куда идешь!

Я чуть было не ответила извини, пожалуйста — во времена, я вспоминаю, что Петя в таких случаях никогда не извиняется.

Ай да Витя Сергеев из города Кушва Свердловской области! И рисунок твой и стихи к нему — хорошие! Подарю откритикой! Надеюсь, что откритикон Серёжа Сафонов из Мурманска, который справедливо считает, что маленьких обижать нельзя, тоже прочтет твои стихи.

Горько любящий мальчишка Почтанин

Вот пачку я на лодочке,
За плечами велосит,
У меня звезда на шапке,

Потому что я солдат.
Я отважный солдат,
Защитная откритикой!

Дорогая редакция, когда будете мне писать, не забудьте отчество, а то у нас в деревне Ивановых Владимиров целых шест.

Иванов
Владимир Иванович

ДОРОГОЙ БАРАБАНИ! У нас в доме есть Дима, Серёжа, Маша и Игорь. Они ужасные вбеи. Они ко мне все пристают. Напиши-те, что мне с ними делать. Только не подумайте, что я жалуюсь. Я просто советую.

Женя Африканов



ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

ИЗ ФРОНТОВЫХ БЛОКНЕТОВ ПОЭТОВ И ХУДОЖНИКОВ
ИЗ СООБЩЕНИЙ РАДИО И ГАЗЕТ

ПОСЫЛКА

Сергей Михалков

Две нательные фуфайки,
На портянки — серой байки,
Чтоб ногам стоять в тепле
На снегу и на земле.
Меховые рукавицы,
Чтоб не страшен был мороз.
Чтоб с друзьями поделиться —
Десять пачек папирос.

Чтобы тело чисто было
После долгого пути,
Два куса простого мыла —
Лучше мыла не найти!
Земляничное варенье
Своего приговоренья, —
Наварили мы его,
Будто знали для кого!
Все, что нужно для бритья,
Если бритва есть своя.
Было б время да вода —
Будешь выбритым всегда.
Нитки, ножницы, иголка —
Если что-нибудь порвешь,

Сядешь где-нибудь под елкой
И спокойно все зашьешь.
Острый ножик перочинный —
Колбасу и сало режь!
Банка каши со свиной —
Открывай ее и ешь!
Все завязано, зашто,
Крышка к ящику прибита —
Дело близится к концу.
Отправляется посылка,
Очень важная посылка,
Пионерская посылка
Неизвестному бойцу!

1941

«Граждане и гражданки Советского Союза!
Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну... Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Из обращения по радио Советского правительства к гражданам и гражданкам СССР, 22 июня 1941 года

«Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление машин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя».

От Советского информбюро, вечернее сообщение 5 июля 1941 года

«Некоторые мужнины-трактористы ушли на фронт. Им нужна замена. Я и мои товарищи — Толя и Витя Лапшины, Коля Солнцев, Федя Парфенов — решили в кратчайший срок научиться управлять трактором. Механик тракторного депо Н. В. Сучков помогает нам изу-

чать мотор трактора и рассказывает, как исправлять неполадки в двигателе. Скоро мы уже сумеем заменить ушедших на фронт трактористов».

Володя Коготков, Костинская средняя школа, „Пионерская правда“, 10 июля 1941 года

«Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сыновей нашей Родины. Но не бывать этому! Ленинград — колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны — никогда не был и не будет в руках наших врагов!»

Из обращения командования Северо-Западного направления, городского комитета ВКП (б) и Исполкома Ленинградского Совета, „Ленинградская правда“, 24 августа 1941 года

«Композиторы Советского Союза дали для фронта много новых песен и маршей. Композитор А. Хачатурян написал «Песню о капитане Гастелло». Балладу «Отец и сын», воспевающую героизм и беззаветную преданность советских людей своей великой Родине, написал Ваню Мурадели. Народный артист СССР Глиэр написал марш «Красная армия».

От Советского информбюро, утреннее сообщение 12 сентября 1941 года



ПОХОРОНЫ ПАРТИЗАНА.

Литография художника В. Курдова. 1942 год

Еще зимой 1941 года двое наших художников А. Блинков и И. Серебряный были направлены в прославленный отряд студентов Института физкультуры имени П. Ф. Лесгафта. Дружба художников с отрядом дала творческие результаты. Командование решило послать в партизанский отряд новых художников. В эту группу вошел и я. Отряд в это время на-

ходился в районе Малой Вишеры, ожидая новое оперативное задание. Мы работали с утра до вечера. Рисовали с натуры портреты партизан.

Прошли годы. Пересматривая рисунки, я с волнением вспоминаю дорогих мне людей, с которыми меня свела судьба в самые тяжелые дни жизненных испытаний.

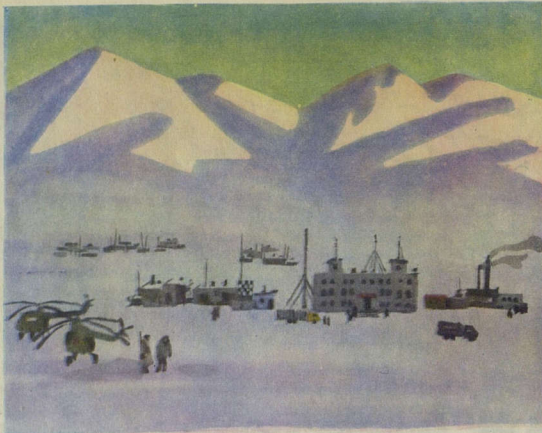
В. Курдов

«Лекарственные растения необходимы для лечения больных и раненых. Мы уже собрали 20 кг жгучей крапивы, 12 кг ромашки и 10 кг полыни. Собранные растения мы высушили в тени и сдали в аптеку, а там из них приготовят лекарства».

Клавя Богун, Вера Сауляк, Нелля Носых.
„Пионерская правда“, 28 июня 1941 года

«В боях под Волоколамском особенно отличилась стрелковая дивизия генерала И. В. Панфилова. Отражая в течение шести дней непрерывные атаки врага, советские воины подбили до 80 танков и уничтожили несколько сот германских солдат и офицеров».

От Советского информбюро,
вечернее сообщение 20 октября 1941 года



Бухта Лаврентия

УЭЛЕНСКИЕ ДИПЛОМЫ

КОЕ-ЧТО О ГЕОГРАФИИ

На Чукотку можно плыть по морю или лететь на самолете.

Летом интереснее плыть на теплоходе вдоль берегов. Кругом Тихий океан.

Можно встретить стадо китов. Если повезет — протяни руку с нижней палубы и кит обольет ее своим фонтанчиком. Я встречал человека, который уверял, что ему повезло.

На берегу увидишь моржей. Огромные туши мяса со страшными клыками будут трубить во след тебе. Теплоходу можно войти в бухту Провидения. Попадешь как бы в горное ущелье. С двух сторон коричневые скалы, а внизу — прозрачная зелено-голубая ровная вода.

Можно плыть дальше и войти в залив Лаврентия.

А можно пройти мимо Уэлена к мысу Дежнева, к Берингову проливу.

Но не пытайся увидеть на берегу яранги, древние жилища чукчей и эскимосов. Их не разглядишь сегодня даже в самый

мощный бинокль. Дома увидишь — одноэтажные и трехэтажные. Радиомачты увидишь. Охотников-чукчей увидишь в моторных вельботах. Ты разглядываешь их, а они, тоже в бинокль, разглядывают тебя. А яранг давно уже нет на берегу.



Петя Анос

Ты, конечно, знаешь: перед началом нового учебного года в жизни чукотских ребят произошло радостное событие — в городе Анадыре открылся Дворец пионеров. Этот дворец подарили им пионеры всех советских республик. Так закончилась трудовая пионерская операция «Чукотка 1969—1974 гг.».

Недавно наши специальные корреспонденты — писатель ВАЛЕРИЙ ВОСКОБОЙНИКОВ и художник МИХАИЛ БЕЛОМЛИНСКИЙ — побывали в Анадыре и Уэлене, чтобы рассказать читателям журнала о жизни чукотских ребят.

Есть только одна. В столице Чукотского национального округа, в Анадыре. Недалеко от нового Дворца пионеров. Ее показывают детям и приезжим, когда водят по залам музея. Она стоит рядом с макетом Билибинской атомной электростанции.

Кончается лето, и закрываются порты. На Чукотку остается один лишь вход — аэропорт в Анадыре.

Здесь приземляются огромные «ИЛы» из Москвы и Магадана. Отсюда взлетают легкие самолеты на лыжах в разные поселки округа — на мыс Шмидта, в бухту Лаврентия и на атомную электростанцию в Билибино.

Взглянешь на людей, ожидающих самолет, здесь его зовут «борт», и сразу поймешь, чем сегодня живет Чукотка.

Потому что рядом на скамейках сидят шахтеры, рыбаки, атомщики, охотники-оленьеводы и солдаты-пограничники.

При мне пограничники улетали домой. Два года они бдительно охраняли нашу далекую границу, а теперь демоби-

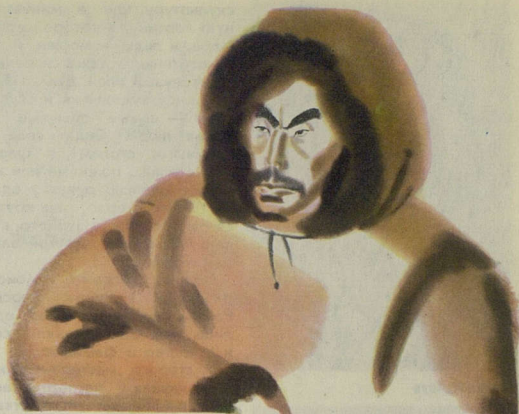
лизовывались. У каждого — небольшой коричневый чемодан. Энергичный молодой лейтенант стоял около кучи оленьих голов с рогами и вручал каждому солдату этот чукотский сувенир.

Солдаты так и шли к самолету — с чемоданчиками, неся впереди себя рогастые оленьи головы. Один солдат был с Кубани, другой — из Ташкента, третий — из Москвы. В своих домах на память о службе они прибьют рога к стенам. Будут смотреть на них и каждый день вспоминать Чукотку.

САМОЛЕТ СО СТУЛЬЯМИ

Любой корреспондент будет считать для себя позором, если не попадет в Уэлен.

Говорят, что художествен-



Охотник



Собачья упряжка на отдыхе

ный руководитель косторезной мастерской в Уэлене Аркадий Петрович Нестеров (это его псевдоним, у него есть и родное, чукотское имя) специально подсчитывает, сколько корреспондентов посетит этот поселок. Говорят, что мой друг и попутчик художник Беломлинский был сто сорок первым, а я, значит, — сто сорок вторым.

В Уэлен мы летели на маленьком самолете из поселка Лаврентия.

— Пассажирского борта не будет, полетите дня через два, если, конечно, с погодой повезет, — говорили нам дежурные девушки на аэродроме.

— А если не повезет? — спросили мы на всякий случай.

— А если не повезет, то задержитесь здесь на две недели, может, и на месяц. Честно говоря, сейчас должно не повезти, погоду обещают плохую.

И тут мы увидели, что через все летное поле к маленькому,

выкрашенному в красное самолету несут новые мягкие стулья.

Мы немедленно стали помогать нести эти стулья и внезапно узнали, что стулья летят в Уэлен, в косторезную мастерскую.

Тут уж мы принялись стараться вовсю. Мы улыбались, брали интервью, упрашивали, умоляли, снова брали интервью и снова умоляли. Мы не отходили от дежурных девушек и летчиков, которые топтались около самолета.

И нас, наконец, взяли. Свободного места в самолете осталось еще немало — вошло бы человека три, два с половиной.

Через сорок пять минут мы спрыгнули с самолета на лед в ровной, покрытой снегом лагуне. Поселок Уэлен стоял здесь же, на берегу, метрах в ста от самолета.

ХУДОЖНИКИ УЭЛЕНА

Чем же так знаменит этот небольшой поселок, где дома растянулись вдоль одной-единственной улицы? А улица расположена на невысокой полосе земли — с одной стороны океан, с другой — лагуна. Так что иногда океанские волны



Слава Чейвун



Коля Тымнотын

перехлестывают через весь поселок и достают до лагуны.

В Уэлене живут и работают прославленные на весь мир чукотские косторезы.

На длинном деревянном доме надпись: «Уэленская косторезная мастерская».

При входе — запах жженой кости.

У самых дверей на крутящемся от электромотора наждачном круге человек обрабатывает грязно-коричневый моржовый клык.

Можно смотреть тысячу раз и тысячу раз будешь удивляться тому, как превращает художник страшноватый моржовый бивень в благородную

скульптуру или в миниатюрную картину, в которой есть и море, и льды, и моржи, и люди-охотники, и даже сказочный толстогузый злой дух.

С виду художники и скульпторы — самые обычные рабочие люди. Сидят себе за длинными столами, в фартуках, в очках, пожилые или молодые чукчи. В руках у одного тонкое сверло, оно крутится быстро, как у зубного врача в бормашине. Другой работает ножом.

Раньше, когда-то, в доисторические времена царской России у чукчей было одно лишь имя. Оно заменяло все — и отчество и фамилию.

У старого мастера-костореза Куннукая в паспорте так и было написано: «Отчества и фамилии не имеет».

Куннукай делает из моржового клыка костяные ножи. Почти все ножи, которые показывают на выставках, дарят знаменитым композиторам и художникам, делал он, Куннукай. Потому что лучше него на Чукотке, пожалуй, никто не может сделать костяного ножа.

А картины, которые вырезает на клыке художник Иван Сейгутегин, я видел еще в Ленинграде, в музее Арктики.

Было время, когда чукчи не умели писать. Они были талантливыми художниками, но не имели бумаги. И тогда, как и многие древние народы, они писали свою историю на скалах. На стенах пещер, на скалистых обрывах вырубали они спящих на льдине моржей, веселящихся китов и портреты соплеменников — в легкой лодочке, сделанной из шкуры моржа, с гарпуном в руке, подкрадывающихся к опасному морскому зверю.

В Уэлене любят рисовать все. Мальчик детского сада младшей группы сумеет подробно и точно изобразить моржа спящего и моржа плывущего, кита и тюленя. И многие с раннего детства рисуют так же хорошо, как рисовали их талантливые прапрадеды.

Но самые способные из уэленских художников работают в косторезной мастерской.

У Ивана Сейгутегина, например, и дед работал с моржовой костью, и отец. И сам он стал художником очень рано.

— Идешь по тундре и замечаешь, как олень бежит, или плывешь в море на байдарке и тоже все видишь. Потом дома как вспомнишь — тут морж, тут лахтак рядом плыл, и руки сами уже рисуют, — говорил Иван Сейгутегин. — У нас каждый ребенок заражен искусством.

Работы Ивана Сейгутегина отмечались медалями и на выставках ВДНХ, и в Японии и в Будапеште.

Потом мы пришли в школу на обыкновенный урок труда. Пятиклассники были разделены на две группы.

В одной группе с удовольствием строгаги рубанком доски, размечали рейки, готовились построить табурет.

Другая группа сидела за длинным столом, таким же, как в косторезной мастерской. У каждого в руках было электрическое сверло или нож и куски моржовой кости, которые постепенно становились белым медведем, оленем или тюленем.

У одной девочки тюлень получался особенно красивый.



Яник Козлов уже третий год живет в Уэлене

Я спросил, как ее зовут.

— Оля Сейгутегина, — ответила она.

— У тебя уже есть однофамилец, знаменитый художник Иван Сейгутегин, мы только что были у него в гостях. А скоро и ты станешь художницей, — пробовал пошутить я.

Оля промолчала, она увлеченно работала сверлом.

— Иван Сейгутегин — ее отец, — тихо сказал учитель.

Рисунками чукотских детей из Уэлена интересуются все — и журналы, и Академия педагогических наук.

«Просим отобрать самые-самые лучшие детские рисунки и немедленно их выслать», — такие письма приходят директору школы Валентине Николаевне часто.

— В каком классе у нас сегодня урок рисования? — спрашивая директор. — В пятом «а»? Соберите, пожалуйста, рисунки, пошлем их в Москву.

АВТОМАТЫ И САМБО

Мы разговаривали с ребятами из шестого класса, и на вид многие казались застенчивыми и неуклюжими. Но учительница сказала:

— А вы попробуйте с ними побороться. Многие из них легко уложат на землю взрослого мужчину.

Оказывается, все они учатся приемам самбо: ведь рядом — граница.

Иногда на занятия с ними приезжают пограничники.

Многие шестиклассники легко и быстро разберут и соберут автомат. Они соревнуются на быстроту и делают это с закрытыми глазами.

Сначала я хотел записывать фамилии юных пограничников.

— Кто знает устройство автомата? — спрашивал я. — Поднимите руки.

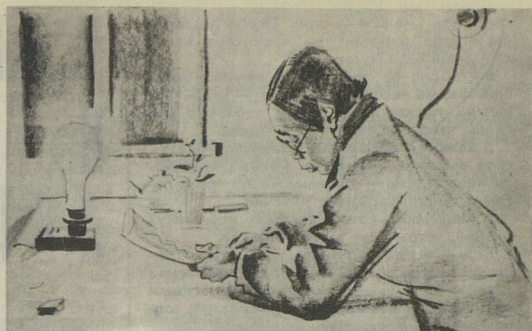
Руки подняло больше половины класса.

Коля Тымнетын, — записывал я имя ближнего шестиклассника.

— А кто знает устройство рации и умеет с нею работать?

Снова поднимала руки половина класса.

Я записывал имя того, кто



Народная художница, косторез Елена Янук

сидел близко от Коли, его звали Сережа Тымневат.

— Фамилии вам записывать не обязательно, — тихо сказала учительница. — Вы лучше так и запишите: очень многие. А то придется давать длинный список. Несправедливо ведь про одних писать, а других забыть.

И девочки тоже поднимали руки вместе с мальчиками. Они знают, как обнаруживать нарушителя, как скрытно проследить за ним.

Теперь я уже не удивлялся, когда видел во многих домах Уэлена похвальные грамоты с печатью и подписями старших друзей ЮДП.

УЭЛЕН—ЭТО СОВХОЗ

Уэлен — это не только поселок. Это еще и совхоз. Совхоз называется «Герой труда».

И как в любом совхозе, там бывают дни напряженной работы и дни праздника урожая.

Мы прилетели в Уэлен в середине декабря и как раз попали на день урожая.

Какой урожай в декабре, когда дома заматывает по самые окна? Такая была моя первая мысль.

Конечно, там не растет пшеница или, например, рис. Даже капуста и картошка не станут расти в едва оттаивающей земле.

Урожай здесь особенный — олений.

В начале декабря оленеводы сдают оленьи мясо государству.

А напряженные дни — это когда совхоз должен сдать государству шкурки песца.

Для того чтобы песцовая шкура стала роскошно-серебристой, ее надо долго чистить и вычесывать. В эти дни не хватает в совхозе рабочих рук. И директор звонит в школу:

— Пришлите, пожалуйста, ваших девочек.

В тот вечер в школе был фестиваль дружбы народов. Ребята, одетые в национальные костюмы народов советских республик, пели песни на разных языках, плясали и читали стихи.

А через час артисты переоделись и пошли в мастерскую вычесывать песца.

Работа эта трудная. Все пропитано запахом керосина. В нем отмывают шкурки. Каждую шкурку надо причесать раз пятьсот, может быть, тысячу.

А летом — другая работа. Китобойное судно подтаскивает к берегу кита. Гора китового мяса под лучами солнца может быстро испортиться. Эту гору надо скорей разделить. Разрезать на мелкие кусочки.

Тут уж работают все — и старики, и первоклассники.

Большими ножами для разделки кита работают чукот-

ские дети умело и быстро. Особенно хорошо всегда работает на жиротопке семиклассница Валя Нутек.

В стороне от поселка, за лагуной большая ферма песцов. В стороне — чтобы песец не подхватил от собак заразную болезнь, чтобы не заразил ею соседа.

У каждого песца своя отдельная клетка, своя алюминиевая миска. Песцам требуется много травы — витаминов. Эту траву летом в тундре собирают девочки.

А мальчики — те, у которых отцы пасут оленей, летом идут в оленьи стада.

Летом, когда в тундре появляются грибы, уследить за тысячами оленей особенно трудно. И мальчики вместе со взрослыми оленеводами дежурят днем и светлой, солнечной ночью.

И зимой и летом дети Чукотки постоянно заняты делом.

Мы успели познакомиться только с несколькими кружками в узленской школе имени Гагарина.

А нас приглашали еще на занятия клуба интернациональной дружбы, который ведет переписку со школьниками из ГДР и Чехословакии.

Нас звали поработать вместе с тимуровцами. Они как раз заготавливали растопку и уголь, чтобы принести в дома пенсионеров. А другие — кололи лед, чтобы превратить его в пресную воду и тоже отнести пенсионерам.

Солнце в Узлене восходит на двенадцать часов раньше, чем в Москве.

И когда узленский школьник садится за парту, московский как раз собирается спать.

ДИПЛОМ

Однажды собрались вместе старые и самые уважаемые люди поселка и решили, что каждому новорожденному чукотскому ребенку в Узлене надо давать памятный диплом.

«Ты родился в суровом краю на Чукотке, в краю мужественных и трудолюбивых людей», — такими словами начинается этот диплом.

Когда я заходил в гости к чукотским ребятам, они показывали мне свои почетные грамоты от совхоза и от пограничников. Рядом с ними на стенах висели почетные грамоты их родителей. Грамоты эти выдавали в Кремлевском Дворце Съездов в Москве и в Монреале, в Канаде, в Токио и Праге.

И я сразу понимал, что матери и отцы этих детей — увлеченные труженики, талантливые художники, охотники и оленеводы.

А потом ребята доставали и осторожно показывали свои, узленские, дипломы.

«Гражданин! Да будут счастливы твои родители и горды тобой!» — так заканчивались эти дипломы.

МАЛЬЧИК И ЛЕЙТЕНАНТ

РАССКАЗ

Б. Штейн

Рисунок А. Сколзунова

Третий урок так и не начался, потому что на большой перемене в село приехал танк. И тогда из люка вышел лейтенант. Лейтенант был молод, белобрыс и синеглаз. Он посмотрел на небо, на ласковое весеннее солнышко, размял плечи и улыбнулся. И пилотка была у него под погоном. Потом посмотрел на ребят, окруживших танк, и присвистнул, потому что ребят было много. Они жались друг к другу и во все глаза глядели на танк, на лейтенанта, на его замасленную гимнастерку с двумя медалями и с нашивкой за ранение.

— Ишь ты, — сказал лейтенант и стал сворачивать цигарку.

— Дядя, — спросил стриженный мальчик в детдомовском костюмчике, — а куда вы едете?

— На войну, — сказал лейтенант, — а то куда же?

Это была правда, но не в том, конечно, смысле, как поняли ребята. Ребята поняли так, что лейтенант залезет сейчас обратно в люк, и танк на одном дыхании покроет расстояние от этого уральского села до фронта и с ходу начнет громить убегающих в панике фашистов. На самом же деле танк шел своим ходом только до станции Челябинск-2, где грузился на платформы танковый батальон.

Но лейтенант не стал ничего объяснять, он похлопал себя по карманам в поисках спичек и спросил шуточно:

— Курящие есть?

— Есть, — ответил тот же детдомовский мальчик и вытащил из кармана штанов мудреные принадлежности для добывания огня: кремса, кремневый камешек и фитиль. Он приложил фитиль к камешку и ловко, одним скольльзящим ударом высек сноп искр. Протянул лейтенанту тлеющий фитилек и сказал, как взрослый взрослому:

— На.

Лейтенант наклонился, звякнув медалями, закурил с удовольствием и опять улыбнулся.

— А ты что, куришь? — спросил он.
— У нас все курят, — ответил детдомовский мальчик.
— Зачем? — удивился лейтенант.
— Жрать охота, — сказал мальчик. — А по-куришь — и ничего.

Все ребята, окружавшие танк, были худы и голодны, и детдомовские и деревенские. Но этот мальчик был совсем плох. Шея у него была уж больно тонкая и как-то неловко торчала из воротника казенной курточки. И лейтенанту вдруг стало страшно, что табак попортит слабые детские легкие, и это щедеушное тело зачахнет.

— А сам куришь! — дерзко сказал мальчик.
— А если брошу? — спросил лейтенант.
— Тогда и я брошу, — ответил мальчик.
— Ну, я бросаю, — сказал лейтенант. Он вынул из кармана кисет и, вздохнув, швырнул его в крапиву.

И никто из ребят не кинулся за кисетом, никто и бровью не повел, словно табак не был у них в дефиците.

— И я бросаю, — твердо сказал мальчик и швырнул в крапиву свой кремешок и кресало, которое сам недавно изготовил из обломка старой косы-литовки.

В это время в люке показалась чумазая физиономия механика-водителя.



— Слушай, — сказал он, — ты не кури, а? А то ведь помрешь.
— А че, — возразил на это другой мальчик, из деревенских, — не помрет. Он хоть и тощий, а дерется шибко баско.

Ребята засмеялись.
— Дерешься? — заинтересованно спросил лейтенант.

— А пусть не лезут, — буркнул детдомовский мальчик и насуписал.

— Ну что ж, — согласился лейтенант, — только ты все-таки не кури.

— Готово, — сказал он, — поехали.
Лейтенант подмигнул ребятам:
— Прокатимся?

Ребята с трудом уместились на танке. Они стояли, плотно прижавшись друг к другу, и танк медленно поехал по селу.

У околицы распрошались, причем каждый из ребят потрогал рукой замасленную лейтенантскую гимнастерку.

Потом танк взревел и помчался в клубах пыли, унося в бой, в бессмертие, в легенду некурящего лейтенанта.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Год издания 19-й



ПИРАТСКИЙ РЕЙД



В 1942 году во время Великой Отечественной войны в Карское море тайно пробрался фашистский линкор «Адмирал Шеер». Линкор хотел разрушить порт Диксон, разгромить наши полярные радиостанции, а все встречные суда уничтожать без пощады. Это был настоящий пиратский рейд...

«Адмирал Шеер» вошел в пролив Вега, что близ Диксона. В порту в это время стояли три наших судна: ледокольный пароход «Дежнев», вооруженный малокалиберной пушкой, пароход «Революционер», груженный лесом, и пароход «Кара». Да еще фашистам могла дать отпор береговая батарея... В общем — три слабых парохода против линкора! Так думали фашисты. Мужества советских моряков и полярников они в расчет не приняли...

Пират подошел к Диксону. Ударили его мощные орудия. Всплески разрывов поднялись возле борта «Дежнева». Но маленький пароход смело пошел на врага, обстреливая его из своей пушечки... Громадные снаряды линкора пробили борт парохода. Несколько моряков на «Дежнев» было убито. «Дежнев», тонущий и горящий, выбросился на камни. Но и фашисты ошеломились... Они не ожидали такого приема. А тут еще по линкору ударили береговые пушки! Пират развернулся и пошел наутек... Он еще стрелял из кормовых орудий, но он разворачивался и уходил. Через несколько дней фашистское командование приказало «Адмиралу Шееру» покинуть Карское море. Линкор ушел не солоно хлебавши...

Г. Гусев

ИСПЫТАНИЕ

Мы сделали модель ракетного катера с действующими ракетами.

Запустили катер на реке. Катер развернулся на цель, и капитан с берега замкнул электрическую цепь. Одна ракета с шипением поднялась в воздух, а другая из отсека не вышла.

Катер начал описывать круги. От него валил дым. Потом катер вспыхнул и красиво пошел ко дну. Так печально кончилось наше испытание.

Витя Князев,
совхоз Михайловский,
Алтайского края

Читателей «Морской газеты» интересуют парусники разных времен. Выполняя их просьбу, начинаем рассказывать о знаменитых парусниках мира.



НОРВЕЖСКИЙ АСКР

Эти корабли называли «аскрами». Их строили из ели и ясеня («аскр» по-норвежски «ясень»). Вооружали одной мачтой и прямым парусом. Когда было нужно, вся команда мгновенно бралась за весла.

Над форштевнем, устрашая врагов, возвышалась резная голова чудовища — морского змея или фантастической птицы. Норманны считали свои корабли живыми существами. Во время пиров на палубу плескали ячменное пиво и бросали лучшие куски мяса...

Норманны не знали морских карт. Ориентировались по звездам, по цвету и вкусу воды, полагаясь на опыт старых кормчих. На одном из таких аскров в 982 году датчанин Эрик, прозванный Рыжим, открыл Гренландию — «Зеленую Землю».

БУДУЩИЕ МОРЯКИ ИЗ ЕНАКИЕВО



Евгений Скрипниченко проводит занятия по радиodelу

Семь лет тому назад в пионерской комнате нашего металлургического завода был создан морской клуб «Меридиан». Юные моряки живут по своему уставу и носят морскую форму. Они учатся вязать узлы, изучают радиodelo. Кругом радиооператоров ведет Евгений Скрипниченко, член комитета комсомола. Во время республиканской игры «Рейд краснoгaлстичной «Авроры» клуб был принят в пионерскую эскадру. Ребята в «Меридиане» проводят спортивные игры: «Поднять паруса», «Морская чакча», «Внимание, мины!» В этих играх участвовали не только мальчишки — Миша Гудков, Сережа и Гена Панарины, Сережа Дмитриев, но и девочки — Наташа Зайцева, Нина Кириллова, Лариса Шуляк...

В клуб часто приходят письма от тех, кто ушел служить в армию и на флот, от шефов — моряков Ждановского морского пароходства. Недавно шефы пригласили ребят в гости на пароход «Джанкой». Очень понравилось юным морякам на судне!

Ю. Хвостиков

НАША ПОЧТА

Письмо контр-адмиралу Н. Скосыреву от Сережи К.

«Товарищ контр-адмирал! Хочу сообщить вам, что я никакой не участник в игре «Экспедиция вокруг света», а обманщик и трус! Я не вел никакой карты, ни дневника, я просто так посылал вам письма и хотел обманом получить премию...

Мне очень стыдно: я ведь назвал свой корабль именем славного и честного адмирала Нахимова... И вот я решил написать вам все как есть...»

Ответ контр-адмирала Н. В. Скосырева Сереже К.

«Сережа! Я получил твое письмо и подумал: конечно, обман и желание получить незаслуженную награду — это очень и очень плохо. И это твоя большая ошибка.

Но ты не понял еще и того, что не в награде цель игры! Ведь ребята, участники экспедиции, хорошо поработали над полученными заданиями, они получили знания и навыки. Члены экипажей помогали друг другу, когда было трудно. Вот что было главным в игре. А ты хотел, как говорит народная пословица, «без труда вытащить рыбку из пруда»... И ты лишил себя возможности узнать что-то новое о себе, расширить свои знания.

Но то, что ты не боялся признаться в своем проступке, все-таки характеризует тебя отнюдь не трусом. Сделай из всего этого правильный вывод. В будущем всегда и во всем, в большом и в малом будь честным и правдивым.

Желаю тебе успехов в учебе!

Контр-адмирал Н. Скосырев».

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА



«АЛЬБАТРОС НАД ВОЛНАМИ»,

Андрей Смирнов, 13 лет,

зерносовхоз «Знамя труда» Ставропольского края

РЕПОРТАЖ СО СБОРА ОТРЯДА

На сбор отряда мы пригласили бывшего юнга — Георгия Константиновича Наумова. Он рассказал нам о школе юнг, в которой учился в 1942 году. Он показывал фотографии своих товарищей. Георгий Константинович сказал, что по призыву комсомола в годы войны из Свердловской области в школу юнг ушло 500 мальчиков-подростков 15—16 лет. А мы рассказали Георгию Константиновичу о нашем городе, о героях-матросах.

Юнкор Боря Тулиев, Свердловск



Делаются попытки поднять затонувший в 1912 году лайнер «Титаник». «Титаник», столкнувшись с айсбергом, погрузился в океанскую пучину на глубину 3880 метров. Поднять лайнер предполагается специально построенными понтонами. Если «Титаник» будет поднят, его доставят в морской музей английского города Ливерпуля.



СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОДШЕСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского



В КОТОРОЙ
РАССКАЗЫВАЕТСЯ
О НАЧАЛЕ
ВСЕЙ ИСТОРИИ

В тот вечер в квартире Стратофоновых на улице Рубинштейна все было как обычно. Тикали часы, полыхал эстрадой телевизор, тлел камин, пощелкивало паровое отопление, жужжали полотер, пылесос, кофемолка, плотно урчала стиральная машина, но... но дух приключений уже бродил влажной волной по квартире, и все это чувствовали и волновались. Папа Эдуард, не отдавая себе отчета, точил ледоруб и смазывал, мама Элла, не отдавая себе отчета, проверяла кислородную маску для высотных затыжных прыжков, бабушка Мария Спиридоновна, не отдавая себе отчета, месила тяжелыми руками творожную массу и глухо напевала: «На земле не успеешь жениться, а на небе жены не найдешь».

Продолжение повести «Мой дедушка — памятник», печатавшейся в «Костре» №№ 7, 8, 9, 1970 г.

Один лишь Гена, отдавая себе полный отчет в происходящем, строго сидел у приемника в наушниках и с рукой на ключе. Он чувствовал, он почти точно знал, что сегодня что-то произойдет, ибо интуиция никогда или почти никогда не обманывала тренированного пионера.

И впрямь... близко к полуночи из бесконечных эфирных струй выплыл странный-престранный сигнал, адресованный вроде бы ему, Геннадию Стратофонову, но похожий в то же время на размытую морем записку. Но самое главное — там был сигнал «О!».

В полночь собрались все под медной лампой. Завернул на огонек и друг дома капитан дальнего плавания Николай Рикшетников. Последние несколько месяцев капитан провел на суше, работая над кандидатской диссертацией «Некоторые особенности кораблевождения в условиях длительных научно-исследовательских экспедиций на судах типа «Алеша Попович». Работа шла споро, и диссертация, как уверяли знатоки, получалась блестящая, но в свободное время капитан не находил себе места. «Попович» под командой приятеля Рикшетникова опытного штурмана Олега Олеговича Копецкого блуждал эти месяцы среди полинезийских архипелагов.

Итак, капитан Рикшетников забрел на огонек к Стратофоновым и тоже оказался у истоков тайны.

На круглом столе под медной люстрой, переделанной из корабельного кормового фонаря прошлого века, лежал лист ватмана, на который Гена нанес фламастером обрывочные слова в том порядке, в каком выловил их из эфира его радиоприемник. Лист выглядел так.

СТРА 19 УНДУЧОК ОРОМ
ЧТО-ТО УЧИТ АФИЯ ОТН
РИНИН КАНАЛ ПАМЯТЬ НЕ ИЗМЕНЯЕТ
БУРГ ИРЕ БВА ОЛОТЫ РЫЛЬЯ
ФОГЕЛЬ ПОВТОРЯЮ ФОГЕЛЬ
БЕСКОНЕЧНО СПАСИТЕ КУНСТ

При виде такого послания читателю, конечно, будет нетрудно вообразить себя в кают-компании славной яхты «Дункан», в обществе незабываемых лорда Гленарвана, майора Мак-Набса и капитана Джона Мангласа.

— Сегодня было очень много грозových помех, — сказал Гена, — и сигнал очень слабый... очень далекий сигнал. Даю голову на отсечение, но эта станция впервые появилась на частотах коротковолновых.

— То есть как это «голову на отсечение»? — забеспокоилась бабушка Мария Спиридоновна.

— Ах, мама! — досадливо воскликнула мама Элла. — Это фигуральное выражение. Го-

вора «голову на отсечение», никто не думает об отсечении головы.

— Все-таки слишком сильное выражение, — вздохнула бабушка и погладила Гену по голове.

— Какие будут предложения, Генаша? — нетерпеливо спросил папа Эдуард. — Ждать невыносимо. Надо действовать! Но как? В каком направлении?

— Я предлагаю каждому из присутствующих дополнить, дорисовать эту загадочную радиограмму, — предложил Рикшетников. — В дальнейшем мы все вместе попытаемся суммировать и отобрать плоды нашего воображения. Очень часто истина скрывается в самых нелепых наших домыслах. Начните вы, дружище Эдуард.

— Охотно! — воскликнул папа Эдуард, скромный почтовый работник и знаменитый альпинист. — Я бы представил себе текст радиограммы так. «Стратофонтовым. На высоте 6.719 метров в северо-западном районе горной системы Гиндукуш на восточном склоне пика Аббас, где в прошлом году потерпела неудачу экспедиция Хиллари, в пещере над отрицательным уклоном в 18° скрыт сундучок, в котором что-то стучит...»

— Далеко вы ушли, дружище Эдуард, — улыбнулся капитан Рикшетников и повернулся к маме Элле. — А вы попробуйте, дружище Элла!

— У меня будет рочка, чем у Эдьки, — энергично сказала мама Элла — скромный библиотекарь и чемпион по затыжным прыжкам — и придвинула к себе ватман. «Стратофонтовым. Необходимы самолеты и парашютисты для высадки на скалистом острове Лилуока 19° широты и 19° долготы, где находится сундучок, в котором что-то стучит...»

— По моему, это ближе к истине, — торопливо вставила бабушка. — Самолеты — это ближе к истине.

— А как бы вы начали, дружище Николай? — обратился Геня к своему старому другу.

Рикшетников с улыбкой произнес, глядя на ватман:

— Я бы начал так. «Стратофонтовым для Рикшетникова с борта экспедиционного судна «Алеша Попович».

Срочно вылетай на Таити и не забудь с собой сундучок, в котором что-то стучит. Тот самый сундучок, в котором коньячок...»

— Боюсь, что все это не очень серьезно, друзья, — сказал Геня своим родителям и своему капитану. — Вы выдаете желаемое за действительность, а на деле мы не продвинулись вперед ни на дюйм...

— Ошибаетесь, дружище Геннадий, — сказал Рикшетников. — Неужели вы не заметили, что у всех у нас троих «сундучок-отором-что-то-учит» произвольно превратилось в «сундучок, в котором что-то стучит»?

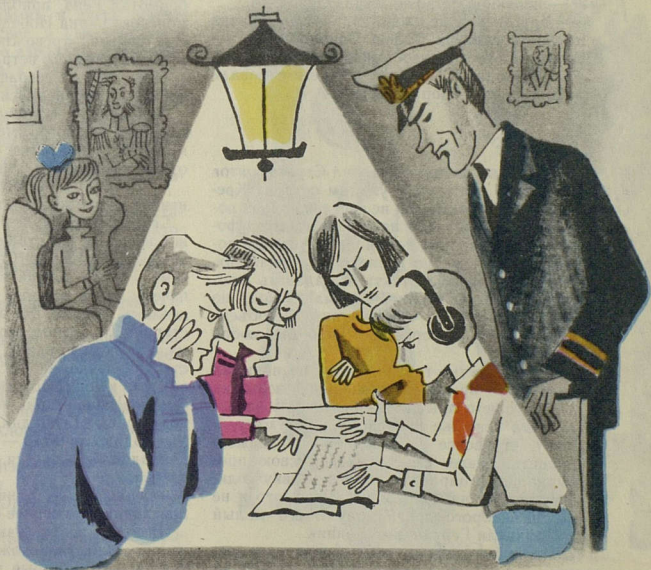
— Потрясающе!!! — воскликнула пораженная компания. — А вдруг здесь и скрыт ключ к тайне?

— Хи-хи, — послышалось из затемненного угла гостиной, из глубокого кожаного кресла. — А вдруг это — «бурундучок под забором что-то бурчит»?

— Наташка! Как ты сюда попала? — вскричал Геннадий.

В глубоком кожаном кресле, позевывая дивным ртом, сидела не кто иная, как Наташа Вертопрахова. Впрочем, это могла так же быть не кто иная, как Даша Вертопрахова, близнец Наташи.

— А я Даша, — сказал близнец. — Наташка послала меня к тебе списать задачи по геометрии, а я как села в это кресло, так и заснула. Тренировки, друзья мои, выматывают все си-



лы. Тебе не нужно этого объяснять, дружище Геннадий.

Следует сказать, что взаимовлияние близнецов еще не до конца оценено современной наукой. Вот сестры Даша и Наташа, едва познакомившись друг с другом на Эмпирейских островах, тут же передали друг другу, с одной стороны, любовь к художественной гимнастике, с другой — презрение к лже-аристократии. Даша, бывшая Доллис, кроме того, тут же усвоила от Наташи манеру слегка подтрунивать над Геннадием Стратофоновым.

— Держу пари, что ты, Дашка, опять забралась к нам в гостиную по стене и через окно, — нахмурился Гена.

— Странно, что ты, дружище сынок, до сих пор не освоил этого пути, — укоризненно сказал папа Эдуард. — Отстаешь от своих сверстников.

Удивительной силы реакция была ответом на добродушный отцовский упрек. Мальчик вскочил со своего места, пылая лицом, как красный светофор.

— Дружище отец! — воскликнул он с дрожью почти юношеского негодования в голосе, схватил со стола ватман, одним прыжком взлетел на подоконник и исчез в окне.

Когда родственники подбежали к окну, Гена уже заворачивал за угол, независимо помахивая рулоном.

— Вполне профессиональный прыжок, — одобрила мама Элла.

— Почему он так вскипел, дружище жена? — полюбопытствовал папа Эдуард.

— Другого я и не ожидала, — строго глядя в сторону, сказала Мария Спиридоновна. — Достойный ответ на неосторожную шутку.

— Переходный возраст, — резюмировала Даша, и на этом спор закончился.

...В глубоком раздумье бродил Стратофонов Геннадий по пустынным улицам острова Крестовский. Разумеется, он не заставил своих родителей волноваться, а из первого же телефона-автомата позвонил домой и предупредил домашних, что не скоро вернется. У домашних, надо сказать, хватило такта не задавать лишних вопросов. Особенною маленькой, но дружной семье было чувство такта, всеобъемлющее чувство, которое украсило бы любой коллектив.

Геннадий, честно говоря, и сам не понимал причин столь яркой эмоциональной вспышки и последующего прыжка из бельяэтажа на панель. Ведь ясно же и слепому, и глухому, и глупому, что вовсе не стремление продемонстрировать Дашке Вертопраховой свою профессиональную парашютную подготовку толкнуло мальчика на подоконник. Ясно, что и не обидя на доброго друга папу и его милый юмор толкнули Гену на подоконник.

«Должно быть, это шуточки переходного возраста», — с тревогой подумал было пионер, но

тут же отбросил эту банальную мысль. Другое занимало его ум в часы блуждания по острову Крестовский. Лист ватмана, который держал он в руке. Тайна, прильпывшая на берега Невы из просторов мирового океана. Обрывки тайны, как единичные галеоны Великой Армады, которую разметал спасительный для Британии ураган. Единичные галеоны «ундучок», «ором», «афия», «ринин», скрепя разболтанными реями, мохнатая обрывками парусов, вползали в крохотную бухточку гребного клуба «Динам». Впрочем, даже не сама тайна, не тайна как самоцель, волновала ленинградского пионера. Отчетливый призыв «спасите» — вот что волновало его. Стремление немедленно идти на помощь любому, кто в его помощи нуждается, было развито у мальчика до степени инстинкта. Помочь! Спаси! Немедленно! Вперед! Без страха! Без упрека!

Кто же сквозь тысячи километров над материками и облачными полями послал ему сюда в Ленинград призыв о помощи? Кто и почему именно ему? Друзья-патриоты с Больших Эмпиреев? Однако по недавним сообщениям газет обстановка на архипелаге сейчас вполне спокойная и независимость малой нации развивается на достойных демократических началах. К тому же эмпирейцы сейчас стали не так уж наивны: они не могут предполагать, что ленинградский школьник в горячие весенние денечки бросит все свои дела и примчится в Южное полушарие.

— Мафия. География. Мафия. География, — бормотал Гена, приближаясь к воротам Приморского парка Победы, глядя на пышные кусты сирени, тревожно кипящие под порывами балтийского ветра.

— Мафия и География, — вдруг громко произнес он и остановился в задумчивости.

— Афия! — вскричал он. — Ведь это слово есть в радиограмме! Галеон «Афия»! Быть может, в радиограмме есть призыв к спасению от происков мафии? Эврика! Эврика!

— Простите, вы что-то нашли? — спросил неподалеку вежливый молодой голос.

Геннадий обернулся и увидел юношу в кожаной курточке и в странных брюках с подобием крыльев на бедрах. Сначала он удивился, почему у этого юноши такие странные брюки и почему такой молодой голос, а потом, приглядевшись, увидел, что это вовсе и не юноша, а старик. Да, это именно старик обратился к нему в легком сумраке белой ночи, но у этого старика была юношеская фигура и поблескивающие юношеским любопытством глаза. Это был поистине старик-юноша: вот к какому выводу пришел Геннадий.

— Здравствуйте, — вежливо поклонился Геннадий. — Кажется, вас удивил мой возглас «эврика»?

— Признаться, удивил, — улыбнулся юноша-старик, или вернее старик-юноша.

Он стоял возле низкого сарайчика, сбитого из листов жести, похожего на импровизированные гаражи, которые мы часто можем видеть

на задах жилых кварталов, но несравненно более широкого, чем это требовалось для обыкновенного автомобиля. В руках у старика был ключ, похожий на большой древний ключ от города Костромы, который когда-то Геннадий видел по телевидению. Геннадий приблизился. Что-то в лице старика, в выражении его глаз располагало к откровенности, и мальчик тихо сказал:

— Видите ли, мне показалось, что я нащупал ключ к тайне.

— Ах вот как! — воскликнул старик. — В таком случае мне остается вас только поздравить!

Они, улыбаясь, смотрели друг на друга и чувствовали нарастающую симпатию друг к другу. Так бывает иногда: люди родственного духа угадывают друг друга, и только смущение мешает им сразу же сблизиться. Гене очень хотелось рассказать старику свою тайну, но он смущался. Старик хотелось чрезвычайно эту тайну узнать, принять в ней участие, вникнуть, помочь, но и он смущался. Все же он решил пошутить для разведки.

— У вас ключ от тайны, а у меня всего лишь от этого ангара, — и он показал Геннадию средневековый ключ и кивнул на сооружение из жести.

— От ангара? — удивился Гена.

— Так точно, — подтвердил старик. — Перед вами самолетный ангар. Хотите взглянуть?

Он вставил ключ прямо в дверь и повернул. Послышались первые такты старинной песни «Взвейтесь, соколы, орлами», и дверь открылась. Старик включил свет, и Гена увидел в ангаре аэроплан. Именно аэроплан, а не самолет, и даже не аэроплан, а летательный аппарат, как говорили в России на заре авиации.

— Как?! — вскричал мальчик, бросился было к аэроплану, но тут вмешались воспитание и врожденное чувство такта. Он сдержал свой порыв и представился.

— Простите, мы не знакомы. Мое имя Стратофонтон Геннадий.

— Как?! — вскричал при этом имени старик. — Уж не брат ли вы Митеньки Стратофонта, с которыми мы в Ораниенбауме в пятнадцатом году экспериментировали буксировку планера?

— Я его внучатый племянник, — сказал Гена.

— Как?! Каков сюрприз! Подумать только! — старик разразился было целым рядом восклицательных знаков, но врожденное и приобретенное джентльменство, однако, взяло верх, и он представился Геннадию, старомодно щелкнув каблучками и склонив голову энергичным кивком.

— Четверкин Юрий Игнатьевич!

— Как? — вскричал Гена. — Подумать только! Я полагал, что Юрий Четверкин — это достойные истории!

— Да, я достойные истории авиации, — просто сказал старик.



...На следующий день уже в более разумное время, а именно, после обеда, Гена навестил Четверкина дома. Хозяин встретил гостя на крыльце.

— Этот дом закреплен за мной постановлением Петроградского Совета в 1918 году, — пояснил он и пропустил мальчика вперед.

Два тигра, изготовившихся к прыжку, бронзовая статуя Дон-Кихота, фарфоровый китайский мандарин, кондор, несущий в когтях модель биплана, и прочие любопытные вещи встретили Гену еще в прихожей.

— Я чудак, — сказал Юрий Игнатьевич с улыбкой, подкупавшей своей простотой. — Вначале я был романтик, потом д'Артаньян и немного авантюрист, потом я стал летчиком, а потом уже летчиком-солдатом, а потом... потом я стал чудачком. Да, Геннадий, ваш покорный слуга — настоящий чудак, но я ничуть этого не стыжусь. Я горжусь тем, что доживаю свои дни в образе старого чудака, а впрочем, я вовсе и не доживаю свои дни, я просто себе чудачку свои дни, как и раньше чудачил, и считаю, монсеньор, что на чудачестве свет стоит. Извините...

Слегка взволнованный этой тирадой старик взял Гену под руку и ввел в комнату, весьма обширную комнату, скорее даже зал. Здесь под лепным потолком висели модели самолетов, а на стенах красовались старинные деревянные пропеллеры. Здесь по углам, словно ценнейшие скульптуры, стояли детали авиационных моторов разных времен, и здесь было множество фотографий.

Гена увидел юношу Четверкина со счастливым, просто зажмуренным от счастья лицом на пилотском сидении «фармана». Затем он увидел мужчину Четверкина в форме офицера старой армии на прогулочном балкончике первого в мире многомоторного бомбардировщика «Русский витязь». Затем он увидел Четверкина с красной звездочкой на фуражке и с двумя маузерами на боках. Потом он увидел Четверкина сначала с кубиками, потом с ромбиками и далее со шпалами в петлицах и, наконец, пожилого уже Четверкина в простом черном свитере. «Анадырь — мыс Дежнева — остров Врангеля» было написано чем-то красным по синему фону и мелко добавлено: «Юрка, не забывай!»

— Этапы большого пути, — смущенно сказал хозяин квартиры.

Повсюду на снимках были самолеты. Сначала древние, потом пожилые, потом уже почти современные. Самолеты на снимках все молодые, а человек старел.

Мальчик увидел на фотоснимках рядом с Четверкиным множество знакомых ему по истории авиации людей — здесь были и Уточкин, и Ефимов, и Васильев, и Сикорский, и Туполев, и Чкалов, и Водопьянов... «Пожалуй, не хватит и недели, чтобы осмотреть все сокровища этого дома», — подумал Гена.

Четверкин сделал несколько нервных шагов по потрескивающему паркету, снял со стены огромную трубку, на чубуке которой была изображена старая Голландия, и затаился. Трубка тут же задымила, как будто в ней тлел вечный уголек из доколумбовой Америки. Как следует откашлявшись, Четверкин вынырнул



из дыма уже другим — молодым и лукавым со своими детскими глазами-любопытными.

— Вы знаете, дружище Гена... — старик сразу и охотно перенял манеру обращения, принятую в стратофоновском семействе. — Вы знаете, дружище мой мальчик, я весь остаток ночи просидел над радиোগраммой, о которой вы вчера рассказали, и пришел к некоторым, да-да, выводам!

Юрий Игнатьевич раскатал на шатком изящном столике лист ватмана и укрепил его по углам четырьмя тяжелыми предметами: поршнем мотора «сопвич», статуэткой лукавого лесного

божества Пана, револьвером «Смит и Вессон» выпуска 1909 года и старинной кожаной калошей с хромированными застежками, то есть тем, что оказалось в эту минуту у него случайно под рукой.

— Во-первых, мне кажется, я почти убежден, что радиogramму послал чужак, — начал Юрий Игнатьевич. — Есть некоторые почти неуловимые флюиды, дружище Гена, по которым все, принадлежащее к племени чужаков, узнают друг друга. Во-вторых, это, безусловно, пожилой человек. Об этом свидетельствует уцелевшее в тексте придаточное предложение «если память не изменяет». Так выразиться, согласитесь, мог только пожилой человек старой формации. Человек новой формации сказал бы вместо этого что-нибудь вроде «почти уверен» или «уверен на 90 процентов». И, в-третьих, дорогой дружище Геннадий, я почти убежден, что истоки тайны не удалены от нас за тридевять земель, а находятся совсем поблизости, в центре любимого города... или нашего любимого «бурга», что по-немецки и означает город. «Бург» — вы видите это слово на вашем ватмане. Может быть, это кончик Петербурга, дружище пионер? Стоп, стоп, предвижу ваши возражения. Существуют Эдинбург, Иоганнесбург, Питсбург и еще добрая тысяча бургов. Да, это так, но вряд ли в каком-нибудь из этой тысячи городов есть Екатерининский канал. Терпение, дружище юный моряк. Вы хотите сказать — при чем здесь Екатерининский канал и что такое Екатерининский канал? «Ринн», Гена, именно этот загадочный, как птица «алконост», «ринин», соседствующий со словом «канал» и образует ЕкатЕРИНИНский канал, который ныне именуется, совершенно справедливо, каналом Грибоедова.

Видю, дружище Стратофонов, отлично вижу искры, летящие из ваших глаз, но вы же сами предложили мне отпустить все тормоза и предоставить волю своему воображению. Ведь я допускаю существование «сундучка», в противовес «бурундучку», и «мафин», независимо от «географии». Позвольте же мне предложить вам небольшую экскурсию на канал памяти замечательного русского сатирика, одного из тех людей, которые пробили брешь в культурной изоляции отсталой царской России. Кам он, олд феллоу!

Через несколько минут Четверкин и Стратофонов уже катили на скрипучем, но вполне надежном велосипеде-тандеме по улицам Крестовского острова.

Старый пилот сидел впереди и управлял рулем, похожим на рога высокогорного животного яка.

Справедливости ради следует сказать, что за всю свою долгую жизнь у старика не было лучшего партнера по тандему, чем сегодняшний. Юрий Игнатьевич не уставал удивляться силе ножных мышц этого еще не совсем созревшего организма. Тандем летел вдоль обочины тротуара, оставляя за собой не только велосипеды, но и многие мотори-

зованные средства транспорта, включая быстросходные «Запорожцы». Иногда к усилиям четырех ног присоединялся и маленький моторчик от пылесоса «Вихрь», который Четверкин приспособил к тандему еще лет десять назад. Возле светофоров седоки спешивались и продолжали свой разговор.

— Однако почему среди русского текста мелькают немецкие слова? — недоумевал Гена.

— На заре моей туманной юности в Петербурге жило очень много немцев, — говорил Юрий Игнатьевич. — Вообразите, дружище Гена, судьба забросила одного из таких петербургских немцев куда-нибудь в Полюинезию. Вы сами путешествовали и знаете, какие штучки иной раз выкидывает судьба. Вообразите, старый чужак несколько десятилетий жил среди полюинезийцев и вот на закате жизни ему пришла нужда послать в город своей юности призыв о помощи. Естественно, что за эти долгие годы кое-что перемешалось в его голове, перемешались немецкие и русские слова и... воображаете?

— Конечно, воображаю, — чуть-чуть постукивая зубами от воображения, говорил Гена. — Но почему же, почему этот несчастный старый человек обратился именно ко мне? Откуда он узнал мои позывные?

— А вы воображаете...

Красный свет переключался на желтый, и Четверкин не заканчивал фразы.

— Приемистый старикан, — улыбались инспектора ОРУД'а, глядя, как устремлялся вперед самокатный экипаж.

Через двадцать четыре минуты они подъехали к Казанскому собору и встали в узкой полосе тени, отбрасываемой памятником фельдмаршалу Барклаю-де-Толли.

— Дружище Геннадий, вы не обидитесь, если я завяжу вам глаза вот этим чистым носовым платком? — спросил Четверкин.

— Пожалуйста, пожалуйста, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена, подставляя свои закрытые глаза под носовой платок с вензелями Санкт-Петербургского яхт-клуба. Он произнес это небрежно, легко — вам нужны, мол, мои глаза? Пожалуйста! — но на самом-то деле сердце пионера стучало как африканский тамтам в период разлива Замбези. Что будет? Какой сюрприз приоткрыл Четверкин? В том, что авиатор слегка лукавит, не было никакого сомнения.

Когда Гена открыл глаза, а это произошло спустя не более трех минут после закрытия оных, перед ним горели на солнце золотые крылья четырех мраморных львов!

— Ыре ьва олоты рылья! — вскричал потрясенный догадкой мальчик.

— Четыре льва с золотыми крыльями! — торжествующе сказал старик. — Вы на набережной Екатерининского канала, дружище Геннадий!

— Но как же вы пришли к такому блестящему умозаключению? — справившись с первым волнением, спросил Гена.

— Сначала было непросто, — скромно ответил Четверкин. — Полночи мысль плутала по лабиринтам чистого разума, дружисще юный друг, но потом я вспомнил один дом, где когда-то, лет тридцать пять или сорок назад, я видел сундучок, в котором что-то стучит.

— Где же этот дом, Юрий Игнатьевич? — осторожно, как бы боясь спугнуть своим дыханием ультрамариновую бабочку тайны, спросил Гена.

— Вот он, — просто сказал авиатор и махнул своей дряхлой перчаткой «шевро» в сторону серого невыразительного дома, который стоял от Львиного мостика в десяти шагах.



В КОТОРОЙ
ЗВЕНИТ
РАДИАЛЬНАЯ
ПРУЖИНА
„ЗАН-ТАР“

Однажды на заре тридцатых годов авиатор Четверкин вернулся в Ленинград из экспериментальных полетов над пустыней Гоби и вознамерился... Сейчас уже трудно установить, что же вознамерился сделать Юрий Игнатьевич на заре тридцатых. То ли он хотел сконструировать мускулолет, то ли портативный быстронадувающийся дирижабль для средних и мелких учреждений, то ли это было время реактивной на торфяном топливе гидроаэростатической?.. Четверкин всегда был полон идей, и проекты различных технических новшеств нарождались в его голове непрерывно, пожалуй, даже избыточно, пожалуй, они даже утомляли его. Короче говоря, ему была нужна «радиальная американская пружина «зантар», а достать в те дни такую простую вещь было чрезвычайно сложно.

Однажды в четверг после дождя перед ужином к дому на Крестовском подъехал мрачный молодой человек на роликовых коньках. Отрекомендовался он лаконично:

— Питирим Кукк, гений.

Он извлек из своего рюкзака вождленную пружину «зан-тар» и заломил за нее бешеную цену.

— Хотите — рублями платите, хотите — тугриками или юанями, — сказал он Четверкину, а вождленная пружина в его руке поблескивала под лучами закатного солнца.

— Позвольте, но все излишки иностранной валюты я сдал в Банк внешней торговли, — сдержанно возмутился пилот.

— Поторопились, — неприятно проскрежетал Питирим Кукк и протянул вперед левую руку с пощелкивающими пальцами, а правую с пружинкой «зан-тар» отвел назад. — Долларов у вас не заваялось? Доллары принимаю по курсу Сенного рынка: прямая для вас выгода.

Вручив нахально-мрачноватому «гению» бешеную сумму нормальными рублями и завладев вождленной, Юрий Игнатьевич без лишних церемоний показал на дверь.

Однако в дальнейшем Четверкину пришлось неоднократно прибегать к услугам Питирима, фамилия которого оказалась двойной, не просто Кукк, а Кукк-Ушкин. То понадобится особое бельгийское сверло «линчап», то крошечный фирм «Кимми Каус», то линзы системы «Братия Ксеркс»... — все это можно было достать только у одного человека в Ленинграде.



В те времена Юрий Игнатьевич частенько навещал невыразительный серый дом возле четырех львов с золотыми крыльями. Питирим не пускал его в глубь своей квартиры.

Иногда в простую душу авиатора закрадывалось сомнение — а вдруг мрачный молодой



темным старинным портретом странноватый сундучок.

— Что это у вас там под портретом? — поинтересовался он.

Кукк-Ушкин усмехнулся.

— Это сундучок, в котором что-то стучит. Можете полюбопытствовать.

Четверкин взял в руки увесистый, на полудика, сундучок, сделанный в какие-то очень далекие времена из непонятного материала, то ли из камня, то ли из металла, то ли из дерева. Сундучок был украшен замысловатым вензелем, но никаких признаков замка или замочного отверстия Юрий Игнатьевич, помнится, не заметил.

— Приложите ухо, — зловеще посоветовал Кукк-Ушкин.

Четверкин бесстрашно прижал ухо к теплому, именно теплому, милостивые государи, боку сундучка. Через несколько секунд он услышал глуховатый мерный стук. Странное дело, он почему-то почувствовал к этому сундучку необъяснимую симпатию. Именно симпатию, милостивые государи, хотя какую, сами посудите, товарищи, симпатию может испытывать одушевленный человек к неодушевленному предмету, даже если в том что-то и стучит.

— Отдадите? — спросил Юрий Игнатьевич Питирима.

«гений» просто-напросто спекулянт? Однако сомнения эти быстро рассеивались.

— Не для себя беру, — всякий раз говорил Кукк-Ушкин, принимая от Четверкина бешеные суммы за дефицитные иностранные детали.

— Для кого же?

— Для них, — отвечал Питирим загадочно и длинноватым желтоватым уже тогда пальцем поворачивал потускневший от времени глобус в латунных кольцах.

В далеких, темных и неприятно-загадочных комнатах питиримовской квартиры уже тогда что-то булькало, что-то позванивало, что-то тихо взрывалось. Уже тогда по паркету, стуча когтями, ходил клочковатый пудель Онегро. Сейчас этому пуделю насчитывалось не менее сорока лет, и, будь он жив, он считался бы, безусловно, самым выдающимся собачьим долгожителем.

После очередного торгового акта, похожего, как обычно, на оскорбительный обман, Юрий Игнатьевич и увидел в углу под

— Отдам, — усмехнулся тот. — Миллиончи ка за три.

Юрий Игнатьевич тогда должным образом оценил внезапно проявившееся чувство юмора у Питирима и долго хорошо хохотал. После полетов над пустыней Гоби у Четверкина появился вкус к доброму смачному хохоту. Впрочем, в те времена в стиле были именно хохотливые беззубые пилоты.

Юрий Игнатьевич хотел вообще-то как-то чем-то расшевелить Кукк-Ушкина, как-то пробудить его к нормальной жизнедеятельности жизни, изгнать из него дух наживы, может быть, поджурить даже, चुдучить вместе. Все было тшкетно. Питирим близко к себе не подпускал и только усмехался многозначительной надменной и неприятной усмешкой.

...Потом началась подготовка к воздушному штурму Арктики, а вскоре и сам штурм, и Юрий Игнатьевич забыл Питирима Кукк-Ушкина на долгие годы, а потом и вовсе забыл. Он любил только приятных добрых чудаков, а чудаков отгалгивающего свойства даже и чудаками не считал, милостивые государи...

Четверкин заканчивал свой рассказ, прогуливаясь по тихой набережной канала вдоль фасада серого дома, и Гена, внимая ему, прогуливался рядом. Друзья, разумеется, и не подозревали, что сверху сквозь июньскую листву за ними наблюдает узкое и желтое лицо, похожее на тусклый фонарь прошлого века.

— Дружище Юрий Игнатьевич, а вы не можете вспомнить тот портрет, под которым стоял сундучок? — спросил Гена.

— Там было очень темно, а портрет темный, написанный не позднее семидесятых годов девятинадцатого века, дружище Гена. Кажется... синий морской мундир... два ряда серебряных пуговиц... по-моему, низший офицерский чин... и неотчетливое желтое лицо, словно керосиновый фонарь... должно быть, живописец был не особенно искусен, да и краски не самого отменного качества...

— Морской мундир... — проговорил задумчиво Геннадий.

Прославленная интуиция пионера Стратофонта всплеснула хвостом, словно проснувшаяся щука.

— Что ж, давайте поднимемся в бельэтаж, — предложил Юрий Игнатьевич. — А вдруг, на наше счастье, Кукк-Ушкин еще живет здесь, и в сундучке все еще что-то стучит, а цена упала хотя бы в десять тысяч раз?

Они поднялись на площадку и позвонили. И сразу же услышали неприятный голос.

— Кого-с?

— Это он! — вскричал Четверкин. — Питирим, открой! Это я, Юрий Игнатьевич Четверкин, который купал у тебя американскую радиальную пружину «зан-тар»!

Два глаза смотрели на пришельцев сквозь дверь, один сверху — человеческий, другой снизу — собачий. Разницы по сути дела не было никакой. Слышалось сдавленное рычание.

— Проходимцы, проходите прочь! — послышалось из-за двери.

— Товарищ Кукк-Ушкин! — взволнованно заговорил Гена. — Дело чрезвычайно гуманистической важности. Из глубин мирового эфира пришел сигнал «SOS». Мы не проходимцы. Я пионер Геннадий Стратофонт, потомок известного путешественника.

— Ха-ха, — послышалось из-за двери. — Семья Стратофонтов вымерла еще до 17-го, а Четверкин, ха-ха, испарился в местах настолько отдаленных, в коих и Макар подох со своими телатами. Ха-ха!

— Что за вздор!! — воскликнули друзья.

— Ввв-ззз-доррр! — рывкнуло из-за двери.

— Питирим Филимонович и вы, Онегро, взгляните! — моляще сказал Четверкин. — Неужели вы меня не узнаете?

— Сокола Четверкина вижу парящим в небе, а в вас, пожилой проходимец, не нахожу даже отдаленного сходства, — проскрежетало и прорычало из-за двери. — Уходите, не мешайте Процессу, а то в милицию позвоню.

Юрий Игнатьевич безнадлежно махнул рукой и отвернулся с явно обескураженным видом. Вряд ли кому-нибудь понравится, если в нем не узнают прежнего сокола и назовут пожилым проходимцем. Однако Гена ободряюще подлихнул старшего товарища локотком и заговорил вдруг совершенно неожиданным и несвойственным ему голосом маленького хитреца и прониры.

— Вы нас не поняли, сэр. Мы к вам не на чашку чая, сэр. Воспоминания о прошлом не входят в наши привычки, сэр. Радиальная пружина «зан-тар» не будет предметом разговора, сэр. Мы просто хотим у вас кое-что купить, сэр.

В ответ на эту хитроумную, достойную Одиссея тираду неожиданно последовало благожелательное молчание. То ли обращение «сэр» пришлось по душе Кукк-Ушкину, то ли слово «купить» вызвало в нем привычный прилив положительных эмоций.

— Что? Что? Что? — вполне по-человечески протянул из-под двери Онегро.

— Мы хотим у вас, сэр, купить сундучок, в котором что-то стучит! — с бьющимся сердцем произнес Геннадий.

— Три миллиона! — немедленно рывкнули в ответ, и после короткой паузы послышался саркастический хохот, а из щелей старой двери повалил разноцветный пренебрежительный дым.

Друзья, к сожалению, не заметили, как на другом берегу канала появился престраннейшего вида иностранный турист. Это был солиднейший господин с мясистым загривком, с бобриком седых волос, с драгоценным камнем в ухе. Это был, откровенно говоря, мультимиллионер, бывший мясной индустрии Адольфус Селестина Сиракузерс.

Легко вовгав меж гранитных плит спицу ярчайшего зонта, он поставил под зонт мольберт, раскладной стул и уселся, выставив пунцовое пузо. Эдакий, видите ли, свободный художник.

Скрипнули чугунные ворота экономического института. На одной из половинок ворот выехала коstitialная дворничиха в слуховых очках. Не слезая с ворот, она сделала несколько снимков невыразительного дома кодаком-зеркалкой, висающим на плоской груди.

— Вы видите этот дом, синьор Сиракузерс? — спросила она.

— Зрение изменяет мне, — шумно вздохнул Сиракузерс. — Принимаю для зрения пилюли «Циклон», но они пока не действуют.

— Хотя бы помните, для чего мы сюда пришли? — с неприятной ухмылкой спросила старуха.

— С памятью у меня совсем плохо, — виновато хихикнул богатч. — Хваленый экстракт «Меморус» помогает не лучше жевательной резинки.

В следующий момент... В следующий момент дворничиха оказалась уже на другой стороне канала. Как это произошло? Каким образом она пересекла водную артерию, минуя Львиный мостик, по которому еще прогуливались наши положительные герои? Нет, конечно, никакого смысла наметать на сверхъестественную силу ее метлы. Вельм нет, в этом нас убеждает ход истории. Не лучше ли обратить внимание на сверхтолстые подошвы дворничихи, на эти сверхмодные платформы? Не они ли помогли старухе совершить технический прыжок?

Спускаясь по лестнице, Гена Стратофонов весело подпрыгивал, а на последнем марше даже не отказал себе в удовольствии соскользнуть вниз на животе по перилам.

— Что это вы так радуетесь? — скучновато спросил его старый авиатор, все еще переваривающий «проходимца».

— Да как же не радоваться! — вскричал Гена. — Подумайте, Юрий Игнатьевич, в один день столько открытий! И самое главное — мы убедились, что сундучок — здесь! Кукк не продал его! По вашему рассказу, дружище Четверкин, я сделал заключение о характере этого человека и проверил его... Проверка удалась, уважаемый дружище!

Юрию Игнатьевичу ничего не оставалось, как с почтением пожать руку своему юному другу.



Глава III,

**В КОТОРОЙ
ПИТИРИМ КУКК-УШКИН
ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ
ПРИСЛУШАЛСЯ К СВОЕМУ
«ВНУТРЕННЕМУ ГОЛОСУ»,
НО БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО**

Вся квартира Кукка была заставлена сложнейшими системами тиглей, центрифуг, реторт, колб, жаровен, сообщающихся сосудов; но

лишь одна комната называлась «лабораторией», а две другие иначе: одна — «конференцией», другая «салоном мысли».

В углу «лаборатории» под портретом флотского лекаря эпохи клипперов среди других семейных реликвий — кожаная тетрадка-дневник, стетоскоп, выточенный из моржового клыка, скальпель, на который современному хирургу и взглянуть-то страшно, большая флотская клизма, так называемая «аварийная помпа» — стоял и золоченный сундучок.

Из поколения в поколение передавался сундучок, пока не дошел до Питирима. В дневнике мичмана Фогель-Кукушкина, судового врача клиппера «Безупречный» и предка Питирима, среди пятен, оставленных жидкостями, сохранилась запись такого рода:

«...вбежал Маркус Ион и со слезами на глазах протянул мне сундучок весьма солидного веса (не менее 15 фунтов), с престранной монограммой и без каких-либо наличествующих признаков замка. В пылких выражениях он молил меня сохранить сей предмет до... (пятна-пятна)... Несчастный не мог знать, что через... (пятна)... (большие пятна)... Бой разгорался с новой силой...»

Прошло немало лет, пока в конце дневника не появилась еще одна запись, касающаяся сундучка.

«...иногда я прижимаю ухо к теплому (он остается теплым даже если его выставишь на мороз) боку сундучка и слушаю странный, мерный и такой дружелюбный стук, идущий изнутри. Стук этот оживает в моей памяти дни молодости и плавание под флагом нашего славного командира Данилы Гавриловича Стратофопова. Что скрыто в сем загадочном предмете? Бриллианты, золото или какие-либо культурные ценности, которые для тысячаго человека дороже любых денег? Открыть сундучок я не имею ни малейших посягательств, ибо принадлежит он не мне, а далекому народу, и бог весть, когда-нибудь, быть может...»

После этой записи прошло чуть ли не сто лет. Фамилия многого претерпела, разделилась, рассеялась. Фогели разлетелись по дальним меридианам, а последний Кукушкин не нашел ничего лучшего, как разделить себя на две части и для пущей спеси всунуть лишнюю букву «к».

Нельзя сказать, что Питирим в молодые годы свои подобно предку «не имел ни малейших посягательств» к вскрытию сундучка. Очень даже имел, но, несмотря на изобретательный свой ум, он так и не понял секрета этого ящика, а открывавший его насильственным, взломным путем не решился, хотя очень нуждался в бриллиантах и золоте. Все-таки сундучок был семейной святыней, а Питирим, вслушивая проклятия, в глубине души к нему благоговел.

В конце концов, он убедил сам себя, что в сундучке никому не нужные культурные ценности, махнул на него рукой и предоставил покрываться пылью.



И вот сейчас он схватил сундучок, чихнул от вздыбившейся пыли и потряс. Ничего не сдвинулось внутри небольшой деревянной, но тяжелой емкости. Приложил ухо и сразу же услышал гулкий взволнованный стук. Конечно, так можно стучать только культурные ценности.

«Отдать, что ли, сундук тому мальчонке? — подумал Питирим. — Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации отдам, пожалуй».

— Черта с два отдам! — взвизгнул он вслух. — Задаром какому-то молокососу-самозванцу? Нашли простофилю! Да я лучше тому иностранцу толстопозому продам, про которого говорила Ксантина Ананьевна! Продам, а на валюту куплю смолу «гумчванс». Вот разыщу сейчас Ксантину Ананьевну и...

— Ее и искать не надо, — услышал он хриплый голос. — Искомая перед вами.

Кукк-Ушкин ахнул.

На подоконнике в непринужденной позе сидела костлявая женщина, сама многоуважаемая Ксантина Ананьевна, и огромные очки на

ее носу отсвечивали довольно многозначительно, если не сказать зловеще.

— Любопытно, каким образом вы, Ксантина Ананьевна, проникли «через входные двери и пересекли «конференцию» и «салон мысли», ничего не задев?

Тон Питирима в этот момент очень мало напоминал тон любезного хозяина, однако дворничиха (а это была именно дворничиха) небрежно отмахнулась от вопроса, спрыгнула с подоконника и заходила вокруг лабораторного стола пружинистым шагом тренированного спортсмена-туриста.

— Ближе к делу, Питирим, ближе к делу, — заговорила она. — Принимаете вы наши предложения...

— Повторяю свой вопрос, — прервал дворничиху Кукк-Ушкин. — Каким образом вы проникли в лабораторию?

Он треснул ладонью по столу и вперился в лицо непрошеной гостьи одним из самых неприятных своих взглядов.

Ксантина же Ананьевна лишь усмехнулась жестяными губами и веско же ответила:

— Мы, работники коммунального фронта, можем не отвечать на некоторые вопросы.

Несколько секунд прошло в молчании. Питирим Филимонович боролся с желанием выставить наглеца-дворничиху, однако, понимая векомость ее аргумента, лишь трепетал. С работ-

никами коммунального фронта всю жизнь у инвентора, то есть изобретателя, были сложные отношения. Главная же причина его терпимости оставалась все та же — «гумчанс»! По его расчетам, именно эта редчайшая дефицитнейшая смола карликового эвкалипта из юго-восточного высокогорного Перу (около Куско) должна была стать последним восклицательным знаком в многолетней серии его изысканий, тяжких трудов, мелких спекуляций, бессонных ночей, раздумий и мук честолюбия.

— Мы знаем, — с неожиданной задушевностью сказала вдруг дворничиха и положила на шуплое плечико Питирима свою тяжелую ладонь. — Мы знаем, что вам не хватает для завершения опытов нескольких граммов смолы «гумчанс». Научная общественность всего мира ждет, больше того, все человечество ждет, а особенно, развивающиеся страны.

— Да кто вы такой, Ксантина Ананьевна? — с явным испугом спросил Кукк-Ушкин. Он совсем потерял инициативу и сидел, съездившись под тяжелой рукой.

Обнажившиеся в улыбке зубы дворничихи были похожи на клавиши аккордеона.

— Любезнейший милейший гениальнейший товарищ Кукк-Ушкин, один грамм смолы «гумчанс» на мировом рынке стоит пятьсот долларов. Известный филантроп Адольфус Селестина Сиракузерс предлагает вам пять тысяч.

— Я всегда просил за этот предмет три миллиона, — слабо пискнул Питирим.

— Пять тысяч долларов — это как раз и есть три миллиона, три миллиона песет той страны, откуда прибыл филантроп.

— А-а, тогда другое дело, — несколько приободрился Кукк-Ушкин. — Три миллиона — это три миллиона.

— Больше того, — надала Ксантина Ананьевна, — мы гарантируем доставку к вам в Ленинград свежевыватой смолы прямо из округа Куско. И взамен мы просим лишь старый никому не нужный сундучишко. Вы спросите — зачем он нам? Да ни зачем! Просто прихоть богача-коллекционера. Где-то в Океани прослышал про сундучок из дерева «сульп», ну и подавай ему его. Гримасы мира чистогана, Питик, такие дела, — дворничиха вдруг словно бы вспомнила, что она дворничиха, и заговорила на дворничком языке. — Да я бы лично Питируша, за еттый ящик и кефирной бутылки не дала. Лови момент, Емеля, пока твоя неделя! Мотри, старуху-то не забудь! Купишь красненького? Может, ты сумлеваешься, голуба? Может, полагаешь — я агент? Питирим Филимонович, я простой старуха-дворник, мету улицы, за культуркой слежу — понял? — гостям делаю помощь — ясно?

«Ой, неясно, — подумал Кукк-Ушкин, — ой, темнит старуха, ой-ой-ой...»

Он чувствовал, что теперь уж ему не отвертеться, нужно принимать решение — либо Онегро будить и напускать на непрошеного гостя, либо брать в лапу эти проклятые «пять

тысяч — три миллиона», отдавать реликвию и ждаться смолы.

..Как вдруг по соседству, в «салоне мысли» произошло событие: затрубила, завизжала флейтами, закукарекала сигнальная система. Это означало, что Процесс достиг фазы и сейчас пойдет Продукт. Сколько уж лет, десятилетий сигналы эти взвизгивали Питирима — а вдруг сейчас, именно сейчас?

Забыв про все на свете и с легкостью необыкновенной сбросив с плеча тяжелую ладонь коммунального работника, Питирим выскочил из «лаборатории», промчался через «конференцию» в «салон мысли».

«Продукт» действительно уже шел по стеклянным трубкам на выход. Скрестив руки на груди, смотрел Питирим, как медленно катятся темно-зеленые шарики, и думал не без гордости о силе своего интеллекта: эва, как все продумал и как устроил — сложнейшая конструкция действует безупречно! Сама синтезирует, анализирует, снова синтезирует, сама же и приглашает на выход. Без ложной скромности можно сказать — нет пределов человеческого гению!

Явился, стуча коготками и позевывая, пудель Онегро. Этот не пропустит выхода Продукта. А ведь было время, когда чурался, крутил носом, даже визжал. Теперь всегда, когда подходит Фаза, собачий долгожитель тут как тут — ждет первого, еще не обожженного шарика и облизывается. Быть может, именно в употреблении Продукта и скрыт секрет мафусайлового (для собаки-то!) сорокалетнего возраста.

Питирим Филимонович даже слегка задохнулся от такой гипотезы. Секрет дол-



голетия? Да ведь из этого же напрямик вытекают памятники, монументы ему, Питириму Кукк-Ушкину, по всем культурным столицам: институты, площади, бульвары его имени!

...Сумасшедшие перспективы! Вечное напоминание... Канал, конечно, придется переименовать — виновит Александр Сергеевич... Что ж, довольно уже мытарить нашего терпеливого читателя глупыми намеками на некое изобретение. Раскроем картину: Питирим Филимонович Кукк-Ушкин вот уже сорок лет был занят одной идеей — изобретением универсальной человеческой еды. Эта еда, или, как предварительное назвал изобретатель, Продукт, должен был заменить на планете Земля все разносола. И своей доступностью, дешезвиной, а может быть, и бесплатностью ликвидировать сразу множество проблем, а своему творцу обеспечить бессмертие.

Радя этой идеи и прожил Питирим всю свою жизнь, ради нее даже мошеничеством занимался в те далекие прохладные годы, ради нее портил свой характер и ошечивался, ради нее так и остался по штату младшим гардеробщиком в Доме культуры, а ведь мог бы продвигнуться до старшего администратора.

В принципе Продукт был уже готов, в нем было больше витаминов, белков и солей, чем в любой другой пище. Не хватало пока что одного — вкуса. По идее Питирима, Продукт должен стать вкуснее любой самой вкусной еды, вкуснее шоколадных тортов, вкуснее икры и устриц и даже вкуснее свежевыпеченного ржаного хлеба.

Однако не получалось. Все получилось, вкус — не получался. Пока что, прямо скажем, получился какой-то антивкус. Продукт был настолько отвратителен, что даже сам его творец не решился проглотить целый шарик. Осталось лишь Онетто, который лет тридцать пять назад был принесен в жертву науке, а вдруг привык к Продукту, стал его активно потреблять и жертвой себя не чувствовал.

Так и сейчас, он с аппетитом прожевал и проглотил зеленоватый с искорками шарик и довольно улегся рядом с Системой. Кукк-Ушкин попытается последовать его примеру, Лизн было шарик, нет, Продукт был все еще далеко от совершенства.

Полжизнь била, смола «тумчване» скажет свое решительное слово и, соединившись с остальными компонентами, придаст Продукту вкус амброзии, которой, как известно, питались боги на Олимпе. Так Питирим окончательно решил принять предложение Ксантины Аняньевны и заезжего филантропа.

Он переправил готовый Продукт в стеклянную печь для обжига и закалки и крикнул в «лабораторию»:

— Ксантина Аняньевна, я согласен!

Молчание было ответом.

«Известор» прошел в «лабораторию», но своей непрошеной гостью там не нашел. Было тихо, и лишь легкий ветерок тихо циркулировал под высоким темным потолком, шевелил паутину и чуть-чуть шелестел клочками обоев.

Сундучка под портретом не было.

Продолжение следует

ПРЕКРАСНОЕ ПРОБУЖДАЕТ ДОБРОЕ

К 70-ЛЕТИЮ Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО



Ты там же, Д. Б. Кабалевский, с нами ли добрыми пожеланиями

Шли конкурсные экзамены в детский хор Ленинградского радио и телевидения. Каждый, кто хотел участвовать в хоре, должен был спеть какую-нибудь песню. «То березка, то рябина», — объявил первый претендент. Хормейстер сел за рояль и заиграл аккомпанемент.

— То березка, то рябина, Куст рякиты над рекой, — уверенно выводила голос...

Подойшла очередь следующего певца. «То березка, то рябина», — попросил он. «То березка, то рябина», — заявил третий, — «То березка...», — потребовал десятый, «Березку» — выдохнул еще один... К концу второго часа хормейстер закрыл крышку рояля и положил голову на попят. «Не могу больше, один рябины и березы...» — прошептал он.

Почему же все ребята хотели спеть именно песню «Наш край»? Может быть, потому, что задуманная мелодия и слова, простые и родные, сблизились в одно? Может быть, потому, что композитор точно уловил, о чем хотелось петь ребятам? Кто знает, отчего появляются талантливые песни и становятся

народными. Это тайна каждого большого композитора. А эту песню написал большой музыкант — Дмитрий Борисович Кабалевский.

Еще когда Кабалевский был студентом Московской консерватории (а занимался он сразу на двух факультетах — композиционном и фортепианном), пришел он в детскую музыкальную школу, чтобы учить начинающих пианистов. И очень скоро понял: ребята хотят играть и слушать музыку, в которой бы узнавали себя, свою жизнь, все то, что их окружает. Сколько отличной музыки написал он с тех пор для детворы. Наверняка вы ее помните:

«Школьные годы чудесные, С дружною, с книжкою, С песнею...»

Или: «Кто сдружился в Артеке. Тот сдружился навеки...»

Пожалуй, и не перечислять всего написанного Д. Б. Кабалевским, потому что и для взрослых он тоже сочинил немало отличных произведений — симфонии, сонаты, оперы. Одна из опер — «Жизнь Бременя» — соз-

дана по мотивам повести Романа Ролана и заслужила высокую похвалу знаменитого французского писателя. Кабалевскому было тогда тридцать лет. С тех пор он еще тридцать лет продолжал работать над этой оперой. Вот какая требовательность к своему труду! За ее сочинение он был удостоен Ленинской премии.

А теперь скажите, можно ли усматривать живопись и увидеть музыку? Ответите — такого не бывает. Не торопитесь. Возьмите книжку «Про трех китов и про многое другое». Там вы найдете ответы на самые неожиданные вопросы. Написал книжку тоже Д. Б. Кабалевский. Кабалевский-писатель.

Вам, наверное, доводилось слушать по радио или телевидению «Музыкальные вечера «Роснескино», которые ведет Дмитрий Борисович. Не правда ли, какие это блестящие рассказы о музыке, какое удовольствие доставляют они слушателям!

Нет, пожалуй, сейчас другого музыканта, который, как Д. Б. Кабалевский, в одно время был бы профессором консерватории и учителем в школе, дирижировал серьезными взрослыми «сочинениями и разучивал» песни с пионерами, писал оперы и был почетным президентом Международного общества по музыкальному воспитанию.

«Прекрасно пробуждает добро», — говорит Дмитрий Борисович. Стоило в якутском поселке появиться хорошему школьному оркестру, Дмитрий Борисович сейчас не подтерпел, новый коллектив и написал о нем статью в газету. А первый в мире детский оперный театр! Он открылся в Москве тоже при самой горячей поддержке композитора. Для этого театра он написал детскую оперу «Две сестры». Словом, все, что касается музыки и детей, всегда находит отклик в сердце этого большого музыканта, большого человека.

30 декабря Дмитрию Борисовичу Кабалевскому исполнилось 70 лет. Мы желаем ему долгого здоровья и ждем новых прекрасных музыкальных произведений.

Светлана Тихая
Рисунки Ю. Калюкова



Итак, переводчик стал нашей бегой. Попытка комиссар встал, прошел по блиндажу. Я с нетерпением жду его решения. Рапорт с просьбой направить на фронт лежит рядом, на дощатом столе. — Немецкий язык знаете хорошо? Я ответил — языком занимаюсь еще до школы, читаю и говорю по-немецки. — Понятно. Если язык известен не хуже, чем радиодетектор, станете диктором-переводчиком. Из штабного блиндажа я вышел разочарованным. Быть диктором-переводчиком, когда сверстники воюют лещиками, артиллеристами, танкистами... Разве не обидно?

ОТ СТАРОЙ РУСССЫ

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО

Что такое военный диктор, я еще точно не представлял. Все оказалось иначе, чем думал. Дикторы-переводчики находились не в тылу, а вместе с наступавшими войсками. На самом переднем крае. С рупором или звуковещательной станцией мы занимали ночью воронку или окоп на нейтральной полосе и принимались за свою работу.

Стоило начать передачу, как противник открывал шквальный огонь. Меня дважды засыпало в укрытии. И оба раза лишь на следующие сутки товарищи смогли откопать и вывести в безопасное место.

Потом на фронте появились машины с мощными звуковещательными установками. Их было слышно на расстоянии до десяти километров. На такой машине я работал почти всю войну. На Северо-Западном, Брянском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах.

Шофером у нас был старшина Петр Феодоров. Машиной он водил уверенно, по лю-

бой дороге, под бомбами и обстрелами. Начальник установок старший лейтенант Иван Кузнецов для порядка порой предупреждал:

— Петр, не гони. Техника не выдержит.

— Технику наладим, — откликнулся оператор Семен Портнов. И не было случая, чтобы его передатчик вышел из строя во время работы.

В нашей 50-й армии хорошо знали трехосную машину с приводными брезентовым верхом, прикрывающим динамики. Завидя ее, бойцы всегда уступали дорогу Феодорову: — Жими, браток! Скажи им, что скоро и мы придем!

Место для работы выбирали заранее. С учетом маскировки. Петр выходил из кабины,

удерял сапогом по колесам, снова садился за руль и проверял датчик. Он знал: как только нас «засекут», нужно немедленно менять позицию. Не успев — установку уничтожат.

В считанные минуты мы с Семеном разворачивали антенну и включали питание. Потом на крутящихся диск Семен ставил пластинку — марш из кинофильма «Цирк». Передачу всегда начинали с музыки. После этого я брал микрофон:

— Внимание, внимание! Немецкие солдаты и офицеры! Здесь говорит передатчик правды...

За сообщением Совинформбюро о событиях на фронтах обычно шла беседа, в которой мы приводили факты, тщательно скрываемые немцами: командованием отступавших солдат мы рассказывали о концентрационных лагерях смерти, о зверских расстрелах эсэсовцами мирного населения, о стойкости немец-



Калитан Волков начинает передачу. Справа — оператор С. Портнов. Апрель, 1945 г.

ДО КЕНИГСБЕРГА

ДИКТОРА-ПЕРЕВОДЧИКА

ких коммунистов, защищающих интересы своего народа, и о том, как гуманно обращаются в Советском Союзе с пленными солдатами.

Нередко материал для беседы нам доставляли разведчики. Однажды они узнали: командир немецкого батальона приспавивает себе солдатские посылки. Мы, конечно, рассказали и об этом. Услышав передачу, солдаты отказались повиноваться — командир батальона стал небеспособен.

Все чаще и чаще переходили на нашу сторону солдаты противника. На вопрос: «Почему сдались в плен?» — некоторые начинали напевать или насистывать марш из кинофильма «Цирк».

С 1943 года я вел передачи вместе с немцем Куртом. До войны Курт работал камешником. Затем его призвали в армию. Попав на фронт, он быстро понял, что его друзья, а кто враги, и решил бороться с фашистами.

Наши передачи приводили

фашистов в ярость. Рейхсфюрер СС издал специальный приказ: звуковещательная установка русских должна быть во что бы то стало захвачена или уничтожена. Этот приказ был обнаружен вместе с другими секретными документами в штабе 290-й немецкой дивизии, которая была разгромлена в районе Старой Руссы.

— Попробуй захвати, — улыбаясь Петр Феодоров, — получишь не железный крест, а деревянный.

Тогда же был обнаружен и другой фашистский циркуляр, имевший к нам самое непосредственное отношение. В нем немцам солдатам категорически запрещалось вести огонь по изображениям руководителей гитлеровского рейха. Появился он не случайно.

Как-то один из наших бойцов предложил нарисовать карикатуру на фюрера. Идея понравилась. Через несколько часов большое, шитое из простынной полотно вывесили на

полюсь. Под портретом Гитлера стояла подпись:

«Стреляйте в меня — я виновник ваших бед!»

С тех пор поляна стала самым безопасным местом. Ни один снаряд не летел в «запретную» зону. Здесь мы писали тексты новых бесед с немецкими солдатами, читали письма из доу.

С «тихой» поляной возле деревни Вязовки связан и такой случай. Здесь мы показывали кинофильм впервые для противника.

В фильме генерал-фельдмаршал Паулюс, сдавшийся в плен под Сталинградом, рассказывал о причинах разгрома его армии, о просчетах гитлеровского верховного командования.

Пока на экране был Паулюс, на той стороне молчали. Стоило появиться кадрам о жизни пленных немцев, как полетели снаряды. Но фильм продолжался. Не раз мы показывали эту ленту. Пленные говорили, что с интересом смотрели фильм — они узнали правду о победе советских войск в сражении за Сталинград.

Однажды я получил приказ выехать в Тулу. Там, на радио-заводе, предстояло срочно подготовить специальный агитационный самолет. Командование выделило для этой цели «У-2», на котором я установил радиоаппаратуру.

Через месяц мы уже летали на нем в тыл врага. На этот раз мне пришлось выполнять обязанности не только диктора, но и штурмана.

А пилотом был мой однофамилец, тоже ленинградец, Павел Волков. Теперь во время передач для немцев солдат я еще и разбрасывал с самолета листовки и газеты.

На всю жизнь запомнилось задание, от успешного выполнения которого зависела судьба сотен советских людей.

Наш „У-2“ летел над дорогой Почеп—Гомель. С небольшой высоты хорошо была видна растянувшаяся колонна женщин, стариков, детей. Фашистские каратели угоняли в Германию местное население.

— Товарищи, — начал я. И почувствовал, что от волнения не могу говорить. Пересилив себя, продолжал:

— Слушайте меня, товарищи! Через два дня придет Красная Армия. Разбегайтесь в лес! Не давайте угонять себя в рабство!

Автоматчики стреляли почти в упор, но мы продолжали летать над дорогой:

— Товарищи, держитесь! Через два дня вы будете свободны!

Через два дня мы приземлились на окраине освобожденного Почепа. Среди дымящихся развалин увидели чудом уцелевший дом. На ступенях сидел древний дед. Он смотрел безжизненно и отрешенно. Страшная картина гибели города еще стояла у него перед глазами.

Мы подошли ближе.

— Здравствуй, отец!

Только через некоторое время он увидел и услышал нас. Потом позвал в дом, отварил картошки. Мы достали паек. Хозяин постепенно разговаривался.

— А вдруг не все погибли, — с надеждой спрашивал он нас о судьбе своих близких. — Вдруг кто-нибудь и спасся?

Когда уходили, он сказал на прощание:

— Уважаю я вас — большевиков. Люди вы правильные. А в бога зря не верите. Есть бог. Сам его слышал позавчера: «Придет к вам Красная Армия, ждите...»

Наутро, поднявшись над Почепом, мы облетели дом старика. Дед по-прежнему сидел на ступеньках, словно ждал кого-то.

Павел помахал крыльями самолета, а я покачивал в микрофон:

— Будь здоров, отец! Счастья тебе!

И мы полетели дальше. Начиналась операция «Багратион». Наши части освобождали Белоруссию.

9 мая 1945 года мы с Куртом вели последнюю передачу. Говорили о будущем новой Германии, о свободной и мирной жизни.

А в небо летели ракеты, гремели автоматные очереди. Под гром победного салюта передатчик правды закончил свою работу.

Роман Волков
Рисунок А. Януса

БОБРЫ

Седой бобер отодвинул лапой кусок коры, прибитый ветром к ивняку. Кора, не выдержав нажима, треснула и рассыпалась, выдохнув прелью. Бобер сел, подперв тяжелое тело плоским хвостом, и прислушался. Все спало. Даже листья молчали.

Он перебрал взглядом прутья, выбрал самый прямой и гладкий, потрогал лапами, согнул и, убедившись в его прочности, скусил. С прутком в зубах пошел к камышам, касаясь брюхом земли.

Седой жадно поглядывал на сочные стебли камыша, вошел в их заросли, повернув голову набок, чтобы концы прута не стучали. По ровному болоту он вышел к каналу. Положил свой прут в кучу других. Послушал тихие всплески. Это бобриха с бобрятами сплавляла в реку прутья и ветки — запасы на зиму.

Седой забрался на бугор, издали, чтобы не запачкаться, поноухал струйку смолы и вдруг вздрогнул. Тяжело треснула ветка. Лось. Это не страшно. Сразу заняли комары. Лось часто кормился возле бобров и не причинял им вреда. Бобер спустился с бугра, пошел к каналу и погрузился с головой в остывшую за ночь воду.

Три крупных, чуть меньше отца, бобренка деловито выбирали из большой кучи прутья. Сжав добычу пальцами, спешили по плоскому, с вытоптаным хвощом берегу к реке. И как по команде, резко согнувшись, ныряли друг за другом. Вода словно расступалась перед ними, пропуская вниз.

Из-под мутно-зеленой коряги вылезла бобриха, сняла коготком застывшую между оранжевыми зубами стружку, встряхнулась, промывая коричневую шерсть. Она потрогала, прочно ли связаны бобрятами ветки, откусила для порядка острый конец одной и выплонула. И тут, и там по веткам ползали улитки, оставляя полосы слизи.

Резко взмахнув хвостом, бобриха вылетела на поверхность. Сквозь брызги увидела Седого и, поплыв к нему, тихо, как лодка в берег, ткнулась ему мордой в бок.

Первые лучи слабого солнца смешались с паром над водой. Вдоль берега лежали ветки, укрепленные прутниками. Каждую ночь бобры валили для плотины деревья и, срезав ветки, охапками носили под берег, чтобы вода хранила их свежими всю зиму.

Зимой бобры плавают бок о бок в спокойной воде, и лед, как крыша, оберегает их от опасностей. Сквозь лед, размытый изнутри водой, просачивается оранжевый свет, и воздух между льдом и водой теплый. Можно подплывать к кладовке, есть зеленые ветки или носиться взыпуски, разрезая воду сильными телами. И можно слушать, прижавшись друг к другу в теплой хатке, треск деревьев в лесу.

Бобрята ждали. Слабая волна ткнулась в стенку. Перегоняя друг друга, они бросились к выходу. Внизу была видна другая комната — сушилка, где

уже катался по сухой траве их отец. Мокрым в помещение входить нельзя.

Бобрята дергали свисавшие из рта Седого стелби ириса и свежие корни кубышек. А один, играя, покусывал отца за щеку, держась передними лапами за его плечо, а задними упираясь в живот.

Он явно мешал Седому, который встревоженно прислушивался и поглядывал на бобреху. Шаги крадущегося человека она тоже слышала. Но они не беспокоили ее, выросшую в заповеднике. Седой тоскливо посмотрел на бобреху, на притихших бобрят и, вжавшись в пол, пополз к выходу.

Его привезли в заповедник издавала, с воли, и он-то знал, чем отличаются шаги спокойно идущих людей от человека, который крадется.

Перебирая пальцами прутья, прижимаясь всем телом к ним, он миновал подводную часть своего дома. Высунил нос над водой, трепеща ноздрями, понюхал воздух, поглядел, мигая слипавшимися от воды глазами.

Болотистый берег от шагов дышал и чавкал. Темный силуэт человека на секунду остановился и вдруг резко дернулся. Седой нырнул и замер, уцепившись за корягу.

Выстрел сотряс хатку и пробил дорогу в тумане. С шумным всплеском Седой ушел под воду, круто свернув от своей хаты. Он плыл очень быстро, чтобы увести опасность от дома. Перед большим полем водорослей он вынырнул и набрал в легкие воздуха. Седой не услышал, как ушел человек, не видел шук, затаившихся у коряги, лапы Седого разжались, и течение подхватило его, мягко качая.

Бобрята прижались друг к другу. Только

частое дыхание выдавало, что они не спят. Бобреху то подходила к ним, то начинала чинить изнутри трещину в куполе хатки, то уплывала.

Бурая от крови, кишащая мальками вода говорила ей о несчастье. Бобреху доплыла до коряги, осмотрела ее и, растерянная, выплыла на поверхность. Утка, увидев близко от себя бобреху, с перепугу крикнула, хотела взлететь, но, смекнув, что зверь не опасный, осталась.

Потревоженные запахами крови шуки стояли бревнами в ожидании добычи. Бобреху обогнула их и опять ушла в воду канала.

Солнце красной полосой легло через реку. Бобреху поплыла вниз по реке, быстро, не оглядываясь.

Уж, чуть извиваясь по движению подводной травы, нацелился на стайку мелкой рыбы. Бобреху брезгливо фыркнула, и он, обиженно шипя, высоко подняв голову над водой, поспешил к берегу. За поворотом реки она наконец, как ей показалось, увидела бобра. Что есть силы зашпесила к нему и, тормозя хвостом, остановилась, замерев от страха. Это была выдра.

Одна хищница не представляла большой опасности, но рядом семья выдр играла с рыбой. Они отбирали ее друг у друга, подбрасывали вверх и ныряли за ней. Иногда рыба падала на землю, и тогда кто-нибудь из выдринного семейства выскакивал следом, хватал ее зубами и мчался к наиболее крутой части берега, отполированного выдринными брюхами, и, расластав лапы, с рыбой в зубах шлепался с шумом в воду.

Бобреху не шевелилась, старалась не дышать. Река сама пронесла ее, незамеченную,



мимо страшного семейства. Тихонько нырнув, бобриха поплыла к противоположному берегу.

Она устала и хотела есть. Берег казался спокойным. Под деревьями было уже темно. Встряхнувшись от воды, ежесекундно замирая, она огляделась, погрязла кору стоящего у самой воды дерева. Рядом сонно вскрикнула со-рока. Еще заметный ветерок протаскил запахи падали. Где-то близко верещала довольная лисица, ей вторила другая. Снова ветер пронес дух падали. Шерсть у бобрихи встала дыбом, и она, пятясь, вошла в воду.

Она плыла так долго, что позабыла обо всем, что было раньше. Словно не существовал никогда дом в заповеднике, бобрята и то время, когда все это было вместе.

МОЙ ЛЕБЕДЬ

Однажды к нам в зоопарк приехал лесник и привез полумертвого лебедя. Он рассказал, что возле его дома есть озеро. На нем останавливаются во время перелета лебединые стаи. Одна такая стая отдыхала на озере. Лебеди плавали на чистой воде, защищенной камышами, и торопливо искали пищу. Нужно было набраться сил и продолжать перелет.

Одна лебедиха совсем близко от поверхности воды увидела блеснувшую рыбу. Озеро было спокойное, и рыба стояла на месте, чуть шевелилась. Лебедиха опустила голову в воду и схватила рыбу. Это была блесна, отличная сделанная браконьером. Даже щука не отличила бы ее от настоящей рыбы. Лебедиха билась на невидимой леске, взмахивая крыльями. Лебеди собрались в круг, волновались, изгибались. Только один лебедь плавал совсем близко от своей лебедихи. Он пытался успокоить ее и говорил что-то, пригибая голову к воде. Он не мог понять, что держит лебедиху. Беда казалась таинственной и от этого еще более страшной. Он только чуть отдалился, когда лесник, пробравшись сквозь камыши, подплыл на своей лодке к птице, попавшей в беду.

Прямо в воде человек отсек ножом леску и втащил лебедиху в лодку. Он накинул на нее брезентовый плащ, и она перестала бить крыльями. А лебедь плыл за лодкой, плыл совсем близко, не зная, как выручить свою подругу. Он проводил лодку до самых камышей и остановился.

Лесник хотел вытащить блесну из лебединого горла. Держать лебедиху было трудно, и он завернул ее крепко в свой плащ. Над грубым брезентом моталась лебединая шея.

А лебедь в это время кружил над озером, кричал, звал. Он искал ее в камышах. Он летал над домом лесника, устало махая крыльями.

Небо медленно светлело. Шел дождь. Бобриха плыла, шуря болевшие от бессонницы веки. Она вздрогнула от шума падающего дерева. Бобриха высунулась из воды по пояс. Она не сомневалась, что это дерево свалено бобрами. Но звериные законы не позволяли заходить на чужую территорию. А если это Седой?

Бобриха тихо, крадучись поплыла к берегу. Учуяла знакомый запах Седого и, с силой рас-секая воду, поплыла туда.

Седой прихрамывая шел навстречу. Они радостно обнюхались, цепко хватая друг друга лапами, как бы отжимая шерсть. Потом вместе стали срезать дерево. Место было глухое и годилось для нового жилья.

Лесник вставил в клюв лебедихе распорку-палочку, мягко обмотанную тряпкой, и запустил в птичий разинутый рот пальцы. Блесна застряла глубоко в горле. Помочь птице не удалось. Ночью она погибла.

Прошло несколько дней. Улетела стая. Лишь один лебедь плавал посреди озера. Он был один на всем опустевшем озере. Он все еще ждал свою лебедиху.

На рассвете лесник вышел из дому. Выпал снег. Лебединые следы напугали тропинку вокруг дома.

Лесник поймал руками ослабшего лебедя и привез к нам.

...Лебедь трудно пережил зиму. Он лежал на дощатом полу, вытянув шею и распластав крылья. Он даже не мог отворачивать голову от насильно кормивших его людей.

Мне очень жаль было птицу. Я выбирала самую свежую рыбу, смачивала рыбьим жиром и, положив ее в клюв, гладила лебединую шею, чтобы рыба ушла в желудок.

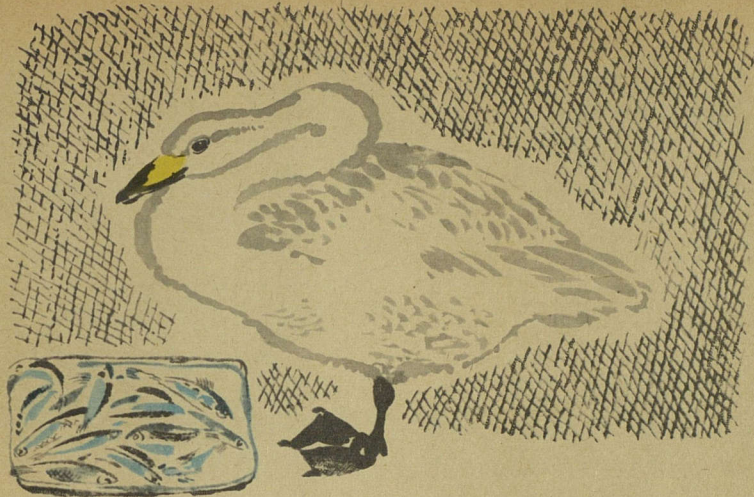
К весне лебедь поправился. Его выпустили в речку к другим птицам. Я назвала лебедя Гогай.

Все зоопарковские лебеди были парными. Они сидели на гнездах в ожидании потомства и были счастливы. Только Гога плавал один, опустив к воде маленькую головку на гибкой шее.

Я полюбила грустную птицу.

Как-то я принесла ему молодой, свежей травы. Он не спеша съел ее, потом спокойно, будто делал это всегда, подошел ко мне, взял конец платя в клюв и замер. Я погладила его шелковистую голову, и он прикрыл глаза от ласки. А когда я пошла, лебедь плыл вдоль берега, трубил и словно бы кланялся мне. С тех пор мы стали друзьями.

Гога всегда ждал меня у калитки, смотрел, как я кормлю других птиц, нетерпеливо дер-



гал клювом за платье. Мне нравилось кормить его отдельно. Гога всегда делился со мной. Возьмет булку в клюв, на меня смотрит: «Ешь тоже!» Мне смешно, а он шипит, что-то мне на лебедином языке говорит, только очень тихо. Наверное — «ешь тоже и не уходи».

Иногда мы гуляли по дорожкам парка. Гога собирал мелкие камушки и проглатывал их. Птицам они нужны вместо зубов: пищу в желудке перетирать. Если мы подходили близко к клеткам с хищниками, Гога волновался: ерошил перья, вставал передо мной — не пускал. Как отойдем на безопасное, в его понимании, расстояние, он поворачивался к хищникам и ругался. Шею вытянет, шипит: «Мол, такие, сские, вредные, кровожадные». Покричит, крыльями похлопает, а потом на меня строго смотрит: «Не рискуй зря, глупая».

Относился он ко мне трогательно, как к птенцу. Нащиплет травы, мелко, словно ножом нарежет. К ногам моим положит. Пока я эту траву не спрячу за спину, будто съела, он ни травинки не проглотит. А потом он и совсем пасть перестал. Я траву спрячу, а он все равно не ест. Камней наберет, передо мной разложит. Смотрит на меня внимательно, трубит, волнуется. И я догадалась. Это раньше он обучал меня, а теперь, по его расчетам, я сама должна пищу добывать.

Как-то мимо нас с Гогой пробежал лисенок, удравший из клетки. Он шмыгнул в кусты и затаился. Я бросилась за ним в надежде поймать. Но куда там. Лисенок только хвостом махнул, удирая в глубь парка. Я смотрела

ему вслед, но, услышав за спиной странные звуки, оглянулась. Ко мне неуклюже бежал Гога. Он раскинул крылья. Одним крылом закрыв мои ноги, а вторым ударил по кустам. Он бил долго и успокоился только тогда, когда на кусте почти не осталось листьев и стало видно, что лисенка там уже нет. Я присела перед Гогой на корточки. Он долго приходил в себя. Тяжело дышал и вздрагивал. Потом затих и стал перебирать мои волосы клювом.

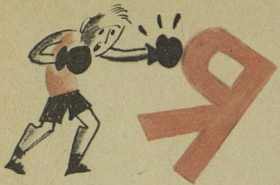
Неожиданно мне пришлось надолго уехать из города. Я часто вспоминала Гогу, скучала. Вернувшись, сразу же побежала в зоопарк. Было воскресенье. Вместе с сотрудницей зоопарка — моей подругой, мы, разговаривая, шли вдоль изгороди лебединой речки. Невозможно было пробиться сквозь стену посетителей, чтобы увидеть Гогу. Дойдя до тупика, мы услышали крики, лай, рычание собаки. Закричала женщина — я разобрала слово «лебедь». Мы с трудом прорвались сквозь толпу. Собака у забора трепала лебедя. Мы с подругой оттащили ее, и я перенесла тяжелую птицу на безопасное место.

Лебедь был растерзан, ошипан до безобразия, но не ранен. Он скоро пришел в себя. И вдруг стал радостно трубить и кланяться, рассказывая мне, как он здесь жил и скучал. Он говорил, говорил свои лебединые слова.

— Значит, это он к вам бежал вдоль решетки? — спросил кто-то в толпе.

Я не ответила. Я слушала, что рассказывал мне Гога.

Рисунки Н. Чарушина



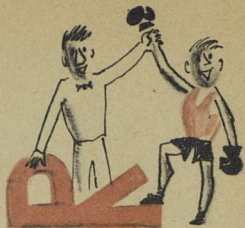
деле судья. Самый справедливый! Самый, самый...

И Рик Демонт считал так. И не стал спорить, когда судьи заявили, что он, Рик Демонт, рекордсмен Олимпийских игр, побеждал неправильно. И все его рекорды недействительны. Потому что он принимал «допинг» («допинг» — возбуждающее средство, вроде наркотического: ногу отруби, не заметишь). Рик развел руками, хотел было сказать что-то... Но решил доказать.

Ты можешь сделать все.

Не думай, что ты менее способен, чем другие. Ты гораздо сильнее. Только присмотришься к себе и сразу заметишь, что в тебе столько энергии и силы, что если бы это преобразовать в горючее для ракеты, она бы до любой планеты долетела.

На первом мировом чемпионате по плаванию он становится победителем в заплыве на 400 метров вольным стилем. Опять анализы. Опять ищут «допинг». Нашли и пошли извиняться перед Риком. Мол, извини, Рик, за прошлые Олимпийские игры. Ошиблись, мол.



ров (кстати, сам Роден, легендарный французский ваятель, лепил с него), Георг Лурин в детстве был хилым и слабым, как неуженное дерево. А братья Знаменские, чье детство прошло в голодные двадцатые годы? А Инга Артамонова, трижды чемпион мира по бегу

НИ ДНЯ БЕЗ ПОБЕДЫ НАД СОБОЙ

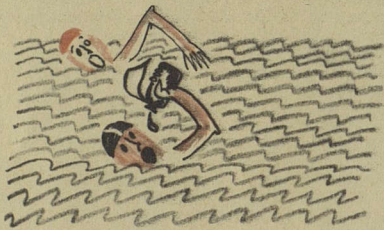
Главное — быть волевым. Когда спортсмен выходит на соревнования, это не просто тренированный человек, это сгусток энергии, силы и воли. И конечно, у него огромное желание победы. Потому что он привык побеждать каждый день. Ведь победа над собой — часть победы над другими.

Не «допинг» был, а простое лекарство от астмы... А ведь Демонт и плавать-то начал, потому что решил победить болезнь и обнаружил, что в воде ему дышится легче.

Как ни странно, многие знаменитые спортсмены стали заниматься спортом именно потому, что были чем-то больны.

на коньках? Немногие знают, что еще до школы она болела туберкулезом, а потом, у профессиональной спортсменки, у нее вдруг появились острые боли в почках, но она преодолела боль и болезнь и с блеском выступала вновь и вновь...

А что такое болезнь? Только ли это чисто физическое недомогание? Может быть, это еще и слабость духа? Иному мама скажет: «Ой какой ты слабенький! Ты смотри тяжелого ничего не подымай, когда на сбор металлолома пойдешь...» Тот и на деле начинает себя слабым чувствовать. Девочки — здоровенные железяки тащат, а он рядом идет. Расслабленный. А другой вроде бы с виду чистый заморыш, ан нет, по утрам гантели пыхтит поднимает, все сам делать хочет и картошку из магазина не оиндыва килограмма тащит, а преогромной сеткой. Смотришь, через год уже и плечи пошире, и рост повыше, и насморку не поддается... Вот ведь какие случаи бывают... Главное — победить себя.



...Судьи в тот день были одеты еще более аккуратно, чем всегда. У всех у них были самые совершенные секундомеры. А глаза смотрели строго, и в них светилась справедливость. Раз судья — значит, и в самом

Известная бегунья Вильма Рудольф в детстве переболела полиомиелитом и почти была парализована. Прославленный борец, тяжелоатлет, гимнаст, чья фигура была эталоном человеческого тела для скульпто-



Живет в Ленинграде человек. Зовут его Георгий Алексеевич Румянцев. Работает в институте. По профессии инженер. Специалист по хитрым радио-конструкциям. И не малый: на счету несколько серьезных изобретений. Георгий Алексеевич человек, в общем, солидный, и в свои тридцать шесть лет выглядит как и положено выглядеть человеку, который давно нашел свое место в жизни и знает, чего хочет.

Вот только есть у него одна странность. В ночь на первое января, когда все садятся за стол и зажигают елку, его за столом не увидишь. И в городе не найдешь. Он в это время по шоссе... бежит. Традиционный пробег Ленинград — Рохино, семьдесят километров. И так каждый год, много-много лет. Вот ведь какое дело. По воскресеньям любит километров этак тридцать — пятьдесят на лыжах отмахать. Это зимой. А летом — бегом, эти же километры. Знай только очки поправляет. Кстати, у него с детства большая близорукость.

Уж чего-чего, а вот такой спортивной злости у Георгия Алексеевича предостаточно! Девиз его жизни: «Все знать и все делать лучше, чем другие!» Это совсем не означает, что он хочет быть каким-то самым лучшим, просто он стремится к тому, чтобы его знания и дела отвечали бы самым высоким требованиям.

— Главное, — говорит он, — поверить в собственные силы. И все делать самому...

Когда пришла к нему такая уверенность? Может быть, в третьем классе, когда он построил первый свой радиопри-

емник, взяв для него детали из старого, совсем испорченного, или, может быть, в шестом...

В двенадцать лет Жорка чуть не стал инвалидом. Врачи порок сердца обнаружили. Притом преострый. Сам Жорка чувствовал, что это так. От слабости стоять не мог. Шесть долгих месяцев пролежал он в постели. Ребята, конечно, к нему каждый день приходили. Помогали как могли. Но в таком деле важно, как сам человек себя поведет. Иной может и надломиться. Почувствовать себя таким несчастным...

— Я никакой ущербности не ощущал, — вспоминает Георгий Алексеевич. — Подумаешь, заболел. У меня другие заботы были. Как бы в учебе не отстать. Приятно было узнать, что в седьмой перешел. Правда, две троечки были, но я скидку на болезнь сделал.

Конечно, врачи запретили ему бегать, и прыгать. Ходи, мол, осторожно, резких движений не делай. Попробуй поживи так, когда тебе тринадцать лет и ты полгода провел в постели. А кругом синее небо и перед глазами теплая коричневатая прозрачная днепровская ширь. Нет, разумным в жаркий летний день быть трудно. Жорка плавал и нырял, как молодой дельфин. Затем бегал по берегу вместе с другими и совсем забыл о том, что у него порок сердца, а может быть, сердце забыло об этом, повинувшись мощной жизненной силе всего Жоркиного организма.

Седьмой класс он заканчивал на Украине. Он никому не го-



ворил о том, как болел, да и не принято было говорить о своих болячках среди настоящих мужчин. А тут еще первенство республики по бегу среди юношей шестнадцати—семнадцати лет. Жорка уже в школе доказал, что бегаёт неплохо. Один километр — три минуты. Порезвее, чем некоторые старшеклассники. И решили его в команду, хотя ему было четырнадцать, поставили. Парень рослый, здоровый. За семнадцатилетнего сойдет. Врачи здоровье проверили. Все в порядке. И вот уже он на дистанции. Прибежал. От удивления и радости чуть снова не заболел: первое место!

— Я и раньше-то, — говорит Георгий Алексеевич, — не очень в своем здоровье сомневался, а тут полностью поверил в себя.

Есть такой вид спорта. Называется «охота на лис». Тот, кто мало знаком с ним, может подумать, что это и не спорт вовсе, а радионигра. Где-то передатчик, у тебя приемник. Слушай наушники и ищи. Откровенно говоря, мне самому так казалось, пока я не попал





на соревнования. Соревнования были на первенство страны, но состав участников был настолько силен, что первенство мира выглядело бы жалкой репетицией. Потому что хотя спорт этот и появился вначале за границей, он по-настоящему стал спортом только у нас. Это признают все.

Так вот участникам надо было пройти по сложному маршруту, по пути обнаружив не один передатчик, притом, чем быстрее, тем лучше. Здесь пешком не ходили. Здесь носились со скоростью курьерского поезда. Мне показалось, что это были самые настоящие соревнования по бегу по пересеченной местности...

— Дело в том, что нам, — рассказывает чемпион Европы по «охоте на лис» 1963 года и неоднократный призер первенства страны Георгий Алексеевич Румянцев, — приходится преодолевать по двадцать — тридцать километров только в момент соревнования. В наушниках ловишь наивысшую четкость позывных и мчишься на звук, находишь передатчик, а в эфире уже работает другой, который тоже необходимо найти...

Вот почему Георгий Алексеевич так много времени уделяет бегу. Сначала он любил строить радиоприемники, затем полюбил бег, и все это наилучшим образом пришлось к месту в выбранном им виде спорта.

У Георгия Алексеевича как у любителя-коротковолновика есть станция. Позывные УА1ДЗ. Сидит он, обычно, поздно вечером и в микрофон: «Я УА1ДЗ. Кто слышит? Прием...» Кто-то в Австралии, например, ему отвечает. Мол, слышу. Мои по-

зывные такие-то... И вдруг ничего не слышно. Один радиописк. Далеко. Тогда пришла идея: а что, если через Луну работать? Посылаешь сигнал туда. Он отражается и попадает на другое полушарие. Там тебя слушают и таким же образом отвечают. Вот Билл и ответил, но слышимость была очень плохой. Все-таки, далеко Луна от нас, и мощности не хватает.

Подумал Георгий Алексеевич: хорошо, Луна далеко, но ведь есть метеорные дожди, о них все известно астрономам, они их рассчитали на много лет вперед. Как календарь. Связался он с Питером Блейером из Англии. Решили поработать на отражении радиоволн от «падающих звезд». Получилось. По четыре минуты удавалось говорить...

— Зачем это? — переспрашивает Георгий Алексеевич. — Во-первых, интересно, а во-вторых, и в работе и в спорте помогает. Для работы — новые конструкции, для спорта — привычка улавливать малейшие шорохи в эфире. Чем четче, тем ближе к цели...

Он преодолел болезнь, преодолел себя. У него прямой и ясный путь.

— Я хочу, чтобы ребята знали: они могут сделать все, и пусть делают лучше, чем другие, — говорит он.

Наверное, его ученица Наташа Хорошева, которая стала чемпионкой СССР, тоже живет под этим девизом...

Вглядись в себя. А сможешь ли ты?..

И. Сергич
Оформление
А. Януса

ОТ РЕДАКЦИИ

О знаменитых спортсменах и скромных физкультурниках, преодолевших недуг силой собственной воли, мы расскажем читателям на страницах «Костра» в 1975 году. Если у вас возникнут вопросы или вы захотите рассказать о подобных случаях, присылайте нам письма с девизом на конверте — «Ни дня без победы!»

НИ ДНЯ БЕЗ ПОБЕДЫ НАД СОБОЙ!

ВНИМАНИЕ! Оздоровительные занятия спортом можно начинать, ТОЛЬКО ПОСОВЕТОВАВШИСЬ С ВРАЧОМ!



Новогодней этой елки
не хватает пестроты.
Чтоб игрушки запестрели,
должен их раскрасить ты.

8

Рисунок Б. Семенова

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Солнечный Зайчик заболел. Он стал тускнеть и подолгу грустно сидел в углу.

— Зайчик, что с тобой, ты заболел? Нет ли у тебя температуры?

— Мне... мне стало трудно скользить по комнате. Я... я задыхаюсь. Аппчи! Аппчи! Я чихаю все время.

— Послушай, у тебя самый настоящий грипп, я попрошу маму, она напоит тебя чаем с малиной, и все пройдет. Мама, мама!

— Что случилось?

— Солнечному Зайчику трудно скользить, и он все время чихает! Что с ним?



В этом номере Угольку исполняется ровно десять лет.

Мама подумала, а потом спросила:
— Легко ли тебе ходить по дороге, усеянной камнями?

— Не-е-ет. Не легко, но причем здесь Зайчик?

— А ему, думаешь, легко скользить по такой пыльной комнате? Для него пылинки — что для тебя камни. Он ведь совсем маленький. И чихает он из-за пыли. Приведи, пожалуйста, свою комнату в порядок, и Зайчик выздоровеет.

Я взял тряпку и стал вытирать пыль. Зайчик разгорался все ярче, ярче и легко заскользил по комнате.

Даниил Норин

Рисунки Т. Капустинной





МЫ ИДЕМ ДОМОЙ

Обыкновенно, в детский сад
за мной приходит старший брат
всегда без опоздания.

НОВЫЙ РАЙОН

Город большой
просыпается рано.
— Здравствуй, бульдозер!
— Здравствуй, краны!

Я открываю
окно на балкон.
— Здравствуй, — кричу я, —
новый район!

Папы и мамы
спешат на работы,
но и у нас
есть дела и заботы.

Мы начинаем,
хоть день и студен,
строить у нас
во дворе стадион.

В полдень
с друзьями
идем на прогулку
по недостроенному переулку.

Рисунки Л. Чепец

Нету таблички с названием,
но он
„Новым“ зовется,
раз новый район.

Папа и мама
с работы вернулись.
Папа и мама
мне улыбнулись.

Нужен нам с папой
клей и картон,
чтобы построить
новый район.

К нам приходите,
нас осчастливьте.
А захотите —
прокатимся в лифте!

Адрес:
Андрюша, Новый район,
дом, где на углу
стоит телефон!

Л. Виноградов

ОБЛАКА

Как быстро по небу бегут облака.
Похоже одно на конька-горбунка,
Другое распахнуто, словно пальто,
А третье похоже... не знаю на что!

Блестящее, белое, с яркой каймой,
Как быстро промчалось оно надо мною,
Промчалось бесшумно и скрылось во мгле.
Такого предмета и нет на земле!

Александр Кушнер

7



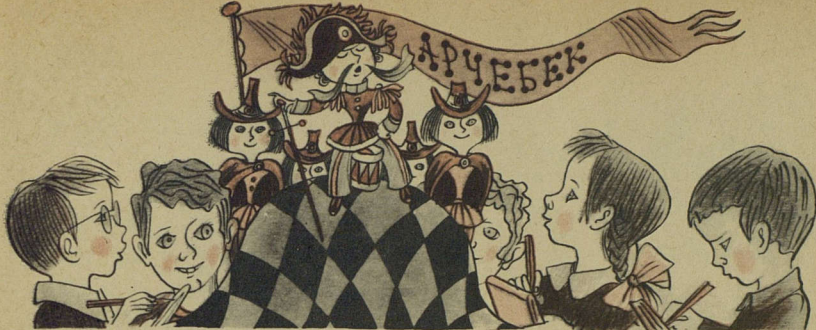
Он говорит мне из дверей:
— А ну, домой идем скорей,
скажи всем „до свидания“.

Как будто б этого всего
сама не знаю без него.

Он говорит мне по пути
Всегда одно и то же:
— Получше под ноги гляди
и не мешай прохожим.
Вдруг спросит: — Где же носовой
платок твой, между прочим?..

Когда приходим мы домой,
он старший, но не очень,
а вот на улице когда,
такой он старший, что беда.

Р. Красноянский
Рисунок А. Орлова



ОТВЕЧАЕТ ФЕРЗЬБЕРИ

— Будут ли в этом году соревнования в АРЧЕБЕКЕ?

— А как же! Турнир-75!

— Что ожидает победителя?

— Очень многое: звание чемпиона Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток, дипломы, призы, спортивные разряды — четвертый, третий и даже второй!

— Кто вы допустите в турнир?

— Всех любителей шахмат и шашек. Мальчики и девочки, первоклассники и десятиклассники, разрядники и новички — все будут приняты и смогут бороться за награды!

— Каковы условия Турнира-75?

— Сначала состязания на спортивный разряд: 17 задач по 5 очков («Костер» №№ 1—8) и 6 задач по 10 очков («Костер» № 9). Норма второго разряда — 140, третьего — 120, а четвертого — 100 очков. Дипломы и призы будут разыграны в отдельном туре («Костер» № 10), куда я допущу всех боровшихся за разряд.

— А как будет сообщаться рыцарю, верен ли его рапорт?

— Через «Бюро самопроверки»: там будут печататься верные ответы. Оно откроется в «Костре» № 2. Я буду отвечать письменно только тем, кому, судя по рапорту, требуется скорая помощь.

— Когда и где начнется Турнир-75?

— Когда? Сейчас! Где? Двумя строчками ниже!

ТУРНИР-75!

Все, кто посылал заявку, в турнир включены. Прием заявок продолжается. Как ее писать? На отдельной почтовой открытке. Указать — фамилию, имя, класс, разряд, свой адрес. Адрес же АРЧЕБЕКА такой: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, «Костер», АРЧЕБЕК.

Итак, турнир открыт! Сегодня первый тур.

Шахматисты! Найдите в этих задачах мат в 2 хода.

А. Белье: Крh2, Фd1, Лс7, Кd6; черные: Крe5, п. e6. Автор — Олег Шалыгин, Первомайск.

Б. Белье: Кра6, Фс1, Лс4, Сg4; черные: Крd5, пп. d4, e5. Автор — Игорь Антонов, Солнечногорск.

Шашки! Найдите в этих позициях победную комбинацию белых.

А. Белье: b4, b6, c3, d4, g1, g3, h2, h4; черные: b8, d6, d8, e5, e7, f6, f8, g5. Автор — Саша Амузин, с/з Чернышевский Саратовской обл.

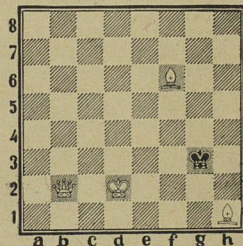
Б. Белье: b2, d4, d6, f4, g1, h6; черные: b6, c3, f8, g7, h2. Автор — Н. Митрофанов, пос. Горелово Ленинградской обл.

Рапорт с решениями следует писать на обычной (без рисунка) почтовой открытке и не вкладывать ее в конверт. Решение должно быть кратким и точным. В двухходовках достаточно указывать лишь первый ход белых. Решения задач на мат в три или больше ходов, а также этюдов и заданий по шашкам должны быть подробными.

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

Заходите, рыцари! Присаживайтесь!

Сегодня вы полакомитесь у нас свежеспеченной ароматной двухходовкой, изготовленной по рецепту арчебековца Саши Гришнина из с. Ермоловка Ульяновской обл. Вот она — на диаграмме. Ешьте, пожалуйста!



Но, может быть, кто-то еще не знает, что значит съесть — решить за-

дачу на мат в 2 хода? А значит это — найти за белых такой ход, после которого ни один ответ черных не спасет их от мата.

Здесь такой ход — 1. Фb7! Сделав его, белые при любом ответе противника дадут мат. Проверьте это, рыцари!

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Из штаба АРЧЕБЕКА сообщают, что шахмат-адмирал Ферзьбери готов принять под свои знамена еще не умеющих играть новобранцев. Их зачислят в отряд оруженосцев, а когда главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ посвятит их в тайны мудрой игры, они займут место в умной строю доблестных рыцарей. Оруженосцев будет свой турнир. Непосвященные! Вступайте в отряд оруженосцев!

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕДИ!

Внимание: боевое задание!

В борьбе за первые пять очков в турнире оруженосцев ты должен:

1. Узнать, как называется и как ходит каждая фигура.
2. Узнать, что такое шах, что такое мат, что такое пат и придумать положения — а) с шахом, б) с матом, в) с патом. Нарисовать их и прислать в АРЧЕБЕК.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам прислать рапорты до 1 марта.

§ 2. Сражающимся одновременно и в шахматном и в шашечном турнирах — писать 2 отдельных рапорта.

§ 3. Все старые пароли отменит! Теперь каждый должен сам назначить для себя пароль (любое слово или фразу). На рапорте (левый верхний угол) пометить: АРЧЕБЕК, приказ № 1, пароль и указывать свою фамилию, имя и адрес (обязательно с индексом).

Шахмат-адмирал Ферзьбери



Итак, в первый же день января 1975 года капитан Быстроходов вскрыл пакет, на котором стояло: «Лично! Срочно!» (см. «Костер» № 12, 1974 год).

Вот что было в пакете:

1. Всем участникам экспедиции предлагаю включиться в полном составе в поход «Курс — Победа!».

2. Капитану Быстроходову укомплектовать штаб разведчиками, знаками военной истории, фотокорреспондентами.

3. Экипажам экспедиции, сохранив свои девизы и номера, принять участие в походе, назначить своих разведчиков и историков.

Штаб «Экспедиции вокруг света»

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ

Один из величайших мудрецов Древней Греции Платон отправился в долгожданное морское путешествие. Увы, философу не удалось посетить привлекавшие его острова и страны. Капитан корабля оказался таким неумелым, что судно несколько раз получало пробойны и садилось на мель, пока, по требованию пассажиров, не вернулось в Афины.

— Учитель! Что было самым удивительным в твоём путешествии? — спрашивали ученики сошедшего на берег Платона.

— Самым удивительным я считаю то, что мне удалось вернуться живым, — был ответ.



ЕДИНСТВЕННЫЙ НЕДОСТАТОК

Прочитав хвастливую автобиографию одного посредственного литератора, французский писатель Морюа сказал:

— Из этой книги можно сделать вывод, что ее автор — само совершенство. Его единственный недостаток — очень плохая память!

СОДЕРЖАНИЕ

У стен Ленинграда стихи В. Верховского рисунок А. Аземши фото И. Колтуна	Барaban журнал юнкорov	24	Прекрасное пробуждает добро	
Алеша Лярский — юный актер и храбрый солдат очерк Н. Добротворского рисунки В. Орлова	1 Шла война народная	28	заметка С. Тихой рисунок Ю. Клыкova	51
Всем! Всем! Всем! пионерский поход «Курс — Победа!»	Узленские дипломы очерк В. Воскобойникова рисунки М. Беломлинского	30	От Старой Руссы до Кенигсберга Фронтovые записки Р. Волкова	52
Ольга Яковлева повесть С. Иванова рисунки Ю. Шабанова	6 Мальчик и лейтенант рассказ Б. Штейна рисунок А. Сколoзубова	34	Бобры. Мой лебедь рассказы Н. Крудовой рисунки Н. Чарушина	54
Человек, у которого все получается очерк Л. Эфроса рисунок А. Янyса	7 Морская газета оформление Ю. Иванова	36	Ни дня без победы над собой очерк И. Сергича оформление А. Янyса	58
	22 Сундучок, в котором что-то стучит сказка В. Аксенова рисунки М. Беломлинского	38	Уголёк журнал для малышей	61
			Арчебек шахматы и шашки	63

На обложке рисунок А. Аземши

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (ч. о. отв. секретаря), А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидайев, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Технический редактор В. И. Мецатумова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-28452. Сдано в набор 7/Х 1974 г. Подписано к печати 2/ХII-1974 г. Формат 60×90. Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 550 000 экз. Заказ 3425. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

Однажды во время занятий арифметикой Хуссейну попался пример, который показался ему слишком легким. Недолго думая, звездочет заменил в примере одинаковые цифры одинаковыми буквами и обрадовался: вот теперь есть над чем поломать голову моим друзьям Демьяше и Сиволапычу, а заодно и всем ребятам:



Составил и оформил
В.А. Уфлянд



ОБЫЧАЙ СОБИРАТЬ КОЛЛЕКЦИИ ДРЕВНЕЙ, ЧЕМ МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.
УРА ВАМ, КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ, И СТАРИЧКИ И ПИОНЕРЫ!

Составление различных коллекций — не просто развлечение. Настоящий коллекционер — это своего рода профессор. Экспонаты его коллекции хранятся в строгом порядке, и о каждом из них он может рассказать много интересного и удивительного.

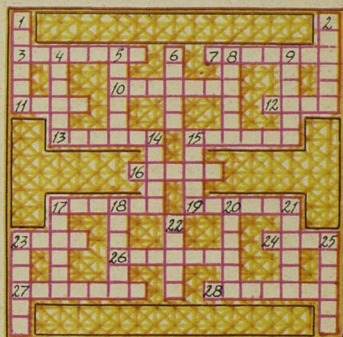
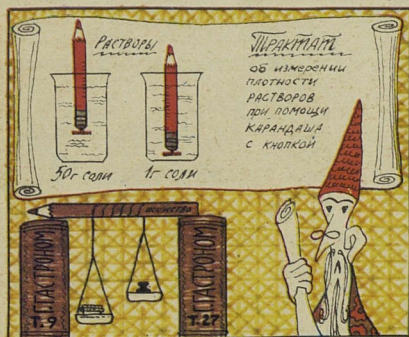
Демьяша, Сиволапыч, Гном и Хуссейн тоже коллекционеры, правда начинающие. Они несколько поторопились выставить свои собрания для всеобщего обозрения. В каждой из коллекций оказался экспонат, который не совсем соответствует ее теме. Укажите коллекционерам их ошибки.

КРОССВОРД С ПОСЛОВИЦЕЙ. Составил Алеша Шумаков из г. Кемерово. По вертикали: 1. Представитель народности о. Новая Гвинея. 2. Небольший хвойный лес. 4. Морской залив. 5. Соревнование по гребле. 6. Вид змеи. 8. Город в Югославии. 9. Поэма Гомера. 14. Герой поэмы Пушкина. 15. Соцветие злака. 17. Верхняя одежда. 18. Вид кита. 20. Промысловая рыба. 21. Вымершее млекопитающее. 22. Домашнее животное. 23. Разновидность промысловой лодки. 25. Крыша.

По горизонтали: 3. Принадлежность для живописи. 7. Государство на Ближнем Востоке. 10. Город в ФРГ. 11. Вид мебели. 12. Боевая машина. 13. Испанский флот, пытавшийся в середине века захватить Англию. 15. Часть автомобиля. 16. Вулкан в Исландии. 17. Вид мебели. 19. Французская мелкая монета. 23. Скульптурный портрет. 24. Город в Сибири. 26. Столица государства в Европе. 27. Столица государства в Африке. 28. Город на Волге.

Первая цифра — номер слова по горизонтали или вертикали. Вторая — буква, которую надо выписать из этого слова, считая от начала. Если вы правильно решили кроссворд, у вас получится пословица.

3—5, 2—1, 10—6, 1—1, 5—2, 20—1, 9—1, 8—5, 9—3, 28—5, 13—2, 4—4, 9—5, 20—3, 18—1, 16—2, 27—4, 18—2, 26—3, 8—5, 12—1, 28—3, 10—5, 11—2.



ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12

Вот как выглядят весы и прибор Хуссейна, о которых говорилось в прошлом номере сентябрьского выпуска «За семью печатями». Тем, кто самостоятельно догадался о принципах их

устройства, звездочет Хуссейн предсказывает отличные отметки по физике.

КРОССВОРД 5 АБ. Все слова по вертикали начинаются на А, по горизонтали — на Б. 1. Берег. 2. Баран. 3. Ба-

тат. 4. Аорта. 5. Брест. 6. Батут. 7. Арена. 8. Атлас. 9. Блати. 10. Бомба. 11. Базар. 12. Автол. 13. Антон. 14. Алмаз. 15. Арбат. 16. Бирма. 17. Аббат. 18. Банан. 19. Амеба. 20. Булат. 21. Абзац. 22. Бедро. 23. Ботва. 24. Актер.



— Друзья! — сказал вожатый Юра. —
Стране нужна макулатура!

Взялись немедленно за дело



Серенж,

Коля,

Дима,

Элла

И Толя в суть задания вник:
Принес он с двойками дневник.
— Его я с радостью отдам —
Он весит целых двести грамм!

